

МАКСИМ КОВАЛЕВСКИЙ
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
УЧРЕЖДЕНИЙ
РОССИИ



ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Максим Максимович Ковалевский

Очерки по истории политических учреждений России

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874655

*Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России.: Территория будущего;
Москва; 2007
ISBN 5-91129-039-1*

Аннотация

Тем, кто прочтет предлагаемую книгу, надеюсь, нетрудно будет заметить следующий факт: из восточной деспотии Россия, благодаря реформам Петра Великого, Екатерины и двух первых Александров, становится все более и более европейским государством. И на пути к этому она сперва перенимает учреждения Швеции, Германии, Франции и Англии. Но эта перестройка русского политического строя по иностранным образцам нисколько не помешала сохранению самобытных русских обычаев и институтов; и, правду говоря, законы и регламенты, заимствованные на Западе и привитые к русскому стволу, подверглись сильному воздействию природы последнего. Неудивительно поэтому, если Россия усваивала одну лишь форму, а не дух тех учреждений, которые она копировала. Не этим ли подражанием одной лишь форме нужно объяснить тот факт, что применение европейских учреждений не привело в России к уничтожению остатков неограниченной, деспотической власти, общей всем восточным монархиям? Ибо власть эта в России изменила лишь свою внешность. К единой голове монарха прибавилось сто рук бюрократии, власть которой централизована в единой главе – бюрократии, подобной той, которая была язвой европейского континента в XVII и XVIII веках, – такова современная форма русского правительства.

Содержание

От издателя	4
Предисловие	6
Глава I	8
Глава II	21
Глава III	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Максим Максимович Ковалевский

Очерки по истории политических учреждений России

От издателя

Максим Максимович Ковалевский – выдающийся русский ученый, юрист и общественный деятель. Родился в 1851 году в дворянской семье Харьковской губернии. Высшее образование получил в Харьковском университете. Продолжая научные занятия за границей, в Лондоне познакомился с К. Марксом, Ф. Энгельсом, Дж. Люисом и Г. Спенсером. В 1879–1880 Ковалевский участвовал в издании журнала «Критическое обозрение». В 1877 году был избран профессором государственного права и сравнительной истории права в Московском университете, где читал курс государственного права европейских стран, курс лекций по истории иностранных законодательств и др.; занимал эту должность до 1887 года, когда был уволен министром «за отрицательное отношение к русскому государственному строю». Через шесть месяцев после увольнения из Московского университета Ковалевского пригласили прочесть в Стокгольме ряд лекций, посвященных происхождению семьи и собственности. Из Стокгольма он был приглашен в Оксфорд и прочел там курс лекций по истории русского права. В 1889 году он поселился во Франции, приобрел дом на берегу Средиземного моря в Белье и там работал над своими значительными произведениями *Происхождение современной демократии*, *Экономическая история Европы*. Ковалевский был членом Международного института социологии, стал его вице-председателем в 1895 году и председателем в 1907 году. В 1901 Ковалевский участвовал в основании Высшей русской школы общественных наук в Париже. Он являлся одним из активных членов Общества Социологии в Париже, постоянным сотрудником журнала «Revue internationale de sociologie» и оказывал материальную поддержку этому изданию.

По возвращении в Россию в 1906 году Ковалевский был избран профессором Петербургского университета, где работал в течение 10 лет (1906–1916). Он читал здесь и в Политехническом институте курс общего конституционного права, историю политических учений нового времени, курс о демократии и ее политической доктрине, на Бестужевских курсах – историю демократических доктрин, в Психоневрологическом институте – курс социологии. В 1906 году Ковалевский избирается от Харьковской губернии в первую государственную думу. С 1909 года Ковалевский становится издателем и редактором журнала «Вестник Европы», купленного им у М.М. Стасюлевича. Он являлся одним из основателей сравнительно малоизвестной Партии демократических реформ, просуществовавшей с конца 1905 до конца 1907 г., и издателем газеты «Страна», выходившей в 1906–1907 годах. В 1914 году Ковалевский стал действительным членом Академии наук. Ковалевский был одним из основателей Московского психологического общества. Среди его основных трудов по социологии и политической истории – *Современные социологи* (1905), *Социология* (1910) и *От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму* (1906). Он был инициатором издания 5-томной антологии *Родоначальники позитивизма*, а (1910–1913). Умер Ковалевский 23 марта 1916 г.

Многочисленные ученые труды Ковалевского (его библиография насчитывает 677 единиц) свидетельствуют о широте научных интересов автора и огромной эрудиции. Он с одинаковым знанием дела останавливался как на вопросах, связанных с общей теорией права и

социологией, так и на вопросах из истории политических учреждений, истории социального хозяйственного быта, в связи с историей права первобытных народностей.

М.М. Ковалевский является основоположником русской исторической школы права, русской школы медиэвистики европейских стран, создателем генетической социологии.

Первые его работы по истории права: *Опыты по истории юрисдикции налогов во Франции с XIV века до смерти Людовика XIV* (М., 1877); *История полицейской администрации в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда I* (Прага, 1877, магистерская диссертация); *Полиция рабочих в Англии в XIV веке и мировые судьи, как судебные разбиратели споров между предпринимателями и рабочими* (Лондон, 1876); *Общественный строй Англии в конце средних веков* (М., 1880, докторская диссертация). К этому же времени относятся: *Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт* (Лондон, и немецкое изд. Цюрих, 1876); *Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения* (М., 1879), а также методологический этюд *Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права* (М., 1880). Дальше следует ряд работ, посвященных преимущественно вопросам обычного права и истории, первобытного права. Сюда относятся: *Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении* (М., 1886; переведена на французский, 1893); *Закон и обычай на Кавказе* (М., 1887);

Современный обычай и древний закон в России (лекции, читанные в Оксфорде и напечатанные по-английски); *Этюды по русскому обычному праву* (на французском языке). С 1895 года начинает выходить капитальное сочинение Ковалевского по истории права *Происхождение современной демократии* (пять томов); в этом исследовании Ковалевский ставит себе задачей выяснить развитие демократических теорий в связи с историей общественного и политического уклада Западной Европы со времен французской революции. Вопросам социологии посвящены: *Современные социологи*, *Социология* (2 тома) и ряд статей: *О дарвинизме в социологии*, *Современные социологи Франции*, *Прогресс*, *Генетическая социология* (в «Итогах Науки»), *Социологический очерк истории государства*. Другие труды Ковалевского: *Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции*, *История Великобритании* (обширная статья, составляющая целую монографию, в «Энциклопедическом словаре» Товарищества Гранат), ряд работ по истории политических учений: *От прямого народоправства к представительству и от патриархальной монархии к парламентаризму* (3 тома), *О политической доктрине Мильтона и О Спенсере и Марксе (две жизни)* – в «Вестнике Европы». Важнейшим своим сочинением сам Ковалевский считал *Экономический рост Европы в период, предшествующий развитию капитализма* (на русском языке вышли 3 тома, в немецком издании вышло 7 томов).

О М. М. Ковалевском см.:

Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960.

Куприц Н. Я. Ковалевский. М., 1978.

М. М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли. СПб., 1996.

Зоць С. А. Общественно-политическая деятельность и государственно-политические взгляды М.М. Ковалевского. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Орел, 2007.

Предисловие

Несколько времени тому назад, случайно со мною встретившись, профессор Брайс, автор «Американской демократии», выразил свое удивление по поводу отсутствия книг по истории о современном положении русских политических учреждений. Правда, у англичан имеется превосходный труд Меккензи Уоллеса, богатый сведениями, лично собранными автором во время долгого пребывания в России, а у французов – глубоко и хорошо написанное произведение А. Леруа-Болье «Империя царей» («L'empire des Czars»). Но ни один из этих авторов не счел нужным специально остановиться на вопросе эволюции политического режима в России. И я вынужден был присоединиться к удивлению профессора Брайса и даже принять его замечание как косвенное приглашение заполнить этот пробел в источниках для ознакомления европейцев с данным вопросом, составлением краткого очерка развития русских учреждений.

На русском языке есть несколько прекрасных сочинений по этому предмету; но даже лучшие из них – профессоров Градовского и Коркунова – слишком объемисты для перевода на иностранные языки и, если бы они даже были переведены, слишком специальные, чтобы быть понятными неподготовленным читателям. Помимо того, эти работы не захватывают всего поля исследования в области происхождения русских учреждений. И хотя авторы трудов по истории русского права и излагали последний вопрос во многих глубоких и ученых монографиях, но они слишком специально трактовали его, чтобы их труды могли быть доступны иностранному читателю. Предшествующие авторами по общей истории, трактовавшими прошлое России, как Соловьев, Костомаров, Иловайский, Ключевский, Милюков, русские юристы, занявшиеся изучением нашего правового развития, в течение последних лет, благодаря работам таких лиц, как профессор Сергеевич, Владимирский-Буданов и Дитятин, не говоря о более старых писателях, как Беляев, Чичерин и Дмитриев, создали литературу, могущую выдержать сравнение с французской или английской, в которых исследования этого рода велись особенно энергично в течение последней четверти XIX века. Таким образом, читатель может видеть, что препятствием к написанию книги для общего ознакомления иностранцев является отнюдь не отсутствие материалов о политическом строе России в прошлом и настоящем, а скорее трудность резюмировать огромнейшую массу фактов так, чтобы дать общую картину внутреннего развития России, начавшегося тысячу лет назад и лишь в наши дни достигшего поворотного пункта. Моя цель состоит, следовательно, не столько в том, чтобы представить читателю технические подробности, сколько в том, чтобы дать ему возможность прийти к определенному заключению о развитии наших политических учреждений.

Тем, кто прочтет предлагаемую книгу, надеюсь, нетрудно будет заметить следующий факт: из восточной деспотии Россия, благодаря реформам Петра Великого, Екатерины и двух первых Александров, становится все более и более европейским государством. И на пути к этому она сперва перенимает учреждения Швеции, Германии, Франции и Англии. Но эта перестройка русского политического строя по иностранным образцам нисколько не помешала сохранению самобытных русских обычаев и институтов; и, правду говоря, законы и регламенты, заимствованные на Западе и привитые к русскому стволу, подверглись сильному воздействию природы последнего. Неудивительно поэтому, если Россия усваивала одну лишь форму, а не дух тех учреждений, которые она копировала. Не этим ли подражанием одной лишь форме нужно объяснить тот факт, что применение европейских учреждений не привело в России к уничтожению остатков неограниченной, деспотической власти, общей всем восточным монархиям? Ибо власть эта в России изменила лишь свою внешность. К единой голове монарха прибавилось сто рук бюрократии, власть которой центра-

лизована в единой главе – бюрократии, подобной той, которая была язвой европейского континента в XVII и XVIII веках, – такова современная форма русского правительства. Вот почему я и полагаю, что поворотным пунктом во внутреннем развитии России являются те ограничения, которым бюрократия вынуждена была подчиниться, когда Александр II создал наше местное самоуправление. Естественно последовавшая затем реакция имела, разумеется, одну цель: сохранить господство бюрократии и предохранить Россию от нового преобразования, на этот раз уже центральных учреждений, на той же основе самоуправления. И я не сомневаюсь, что трудности, которые предстоит России преодолеть и которые происходят из ее внутреннего состояния в настоящее время, имеют своей единственной причиной перерыв в уже начатой эволюции по пути к конституционной монархии. Потеряет от этого, разумеется, одна лишь бюрократия. Этим и объясняется ее враждебное отношение к так называемым «европейским идеям» и ее тенденция к сохранению старых русских начал, являющихся, однако, как читатель сможет в том из дальнейшего изложения убедиться, не столько русскими, сколько византийскими, старофранцузскими и старошведскими.

Глава I

Как Россия сложилась

В учебниках по истории средних веков, излагающих в нескольких словах трудные проблемы происхождения русского народа и государства, мы находим обыкновенно следующий рассказ:

«Во времена Геродота Россию населяли скифы и сарматы; от первых произошли русские, а от вторых – поляки».

Подобное утверждение очень смело и находится в полном противоречии с новейшими археологическими изысканиями. Спросим же себя, каковы главные источники, из которых мы черпаем сведения о народе, некогда населявшем Россию.

Путешественнику, едущему с западного побережья Каспийского моря и пересекающему северную часть Кавказа и южнорусские степи, непременно бросится в глаза огромное количество земляных насыпей, известных под именем курганов. Они составляют наиболее драгоценное сокровище русской археологии, и, по всей вероятности, в близком будущем именно здесь будет найден ключ к разрешению многих загадок в чрезвычайно сложном вопросе о том, какими путями арийские и неарийские народы проникли в Западную Европу. Эти курганы содержат вместе с тем многочисленные следы похоронных обрядов, принимавших форму либо сожжения, либо погребения, а также старинное оружие из камня или иногда из железа, домашнюю утварь для ежедневного употребления, украшения и монеты. Эти последние предметы позволяют уже с некоторой достоверностью определить если не национальность тех, кто воздвиг курганы, то, по крайней мере, эпоху, когда они были воздвигнуты. И по этим курганам, покрывающим поверхность России от морей Каспийского и Черного до Москвы и Смоленска, исследователи заключают о былом пребывании различных племен, некогда населявших нашу страну. Но хотя эти археологические изыскания и велись за последние пятьдесят лет с большой энергией и были изданы такие сочинения, как сочинение графа Уварова о каменном веке в России и профессора Богданова о строении черепа первых жителей Московского округа, тем не менее труд, необходимый для точного установления расовой принадлежности населения России в отдаленные века, не выполнен даже наполовину.

Сведения, получаемые путем археологических изысканий, восходят к той эпохе, когда мамонт жил в малороссийских степях. Многочисленные остатки вроде полных костяков или частей скелета, носящих в глазах некоторых исследователей бесспорные следы первобытного человеческого искусства, были недавно открыты под одной из киевских улиц.

Кроме курганов, этих варварских могил, Россия обладает еще одним источником для исследования культуры населявших ее первобытных племен, источником, на который, сколько нам известно, впервые указал профессор Московского университета Миллер. Это – отдельные слова и целые фразы, чрезвычайно похожие на те, которые еще и в наше время употребляются у осетин, народа арийского происхождения, живущего в северной части Кавказа, слова и фразы, найденные на греческих надписях, оставшихся от многочисленных колоний, которые, как например, Ольвия, были основаны на берегах Черного или Азовского морей за много веков до Рождества Христова. Непонятные для тех, кто впервые их обнаружил, они получили живой смысл с того дня, как Миллер попытался объяснить их путем сличения со словами осетинского языка. Тот же язык дал ему ключ к толкованию многих топографических имен, как например, название реки Дон, Танаис древних: Дон на новоосетинском языке означает воду. Если, вооружившись археологическими открытиями и изучением греческих надписей и топографических названий, мы проверим более или менее

легендарные и скудные этнографические сведения, сообщаемые Геродотом и позднейшими летописцами как греческими и римскими, так и арабскими, византийскими и германскими, то мы придем к следующим выводам:

За много веков до образования в 862 году русских княжеств огромная и почти беспрерывно от Уральского хребта до Карпатских гор простирающаяся равнина была населена кочевыми племенами. Часть из них, как мадьяры и авары, следы которых еще и в настоящее время находят на севере и востоке Кавказа, пришли из Азии и окончательно основались на среднем течении Дуная и на Балканском полуострове. Другие, как болгары, после долгого пребывания на берегах Волги, вынуждены были под напором новых завоевателей – хазар переселиться на места, занимаемые ими ныне, у берегов Черного моря, оставив на Западном Кавказе ветвь, еще известную под именем балхари. Из племен, пришедших из Азии, осетины – арийской культуры, что доказывается их языком и грамматикой, основались к югу от Дона на обширной территории, которая в позднейшую эпоху была отчасти занята новыми завоевателями – татарами и кабардинцами. Осетины создали социально-правовую организацию, подробно нами описанную¹, которая признается изучающими историю Древней Греции за лучший образец жизни во времена Гомера и первых дорийских завоевателей Пелопонесса. Весьма вероятно, что осетины не были единственным народом арийского происхождения, поселившимся на юге России. Тот факт, что греческие надписи содержат слова одного корня с осетинскими, но в настоящее время сильно от них отличающиеся, заставляет нас думать, что сарматы, упоминаемые Геродотом, который отметил их отличие от более диких скифов, именно и были этим ядром оседлых арийских племен. Если гипотеза долгого пребывания арийцев в южной России после их переселения из Азии удержит свою позицию среди соперничающих с нею гипотез, то описанные нам осетинские обычаи приобретут для изучающих древнюю арийскую историю значение единственного пережитка быта, чрезвычайно похожего на тот, описание которого находят в старых индусских сводах, в Илиаде и Одиссее, в легендах кельтов и в законах брегенов древней Ирландии.

Переселение в Россию арийских и неарийских народов заставило финские племена, некогда ее населявшие, отодвинуться далее на север. Уже в те времена, когда впервые было составлено или заимствовано, вероятно, из византийского источника введение к русским летописям, так называемая «Повесть временных лет», финские племена, отмеченные готским историком Иорнандом как подвластные Германрику и его товарищам по оружию жили на берегах Оки и ее притоков и по северному течению Волги. Сказания карельцев, собрание которых образовало своего рода эпическую поэму – Калевала, содержат немало указаний на пребывание сложившихся их племен в местностях, расположенных южнее их теперешнего места поселения. Финские племена, в свою очередь, оттеснили на Крайний Север лопарей и самоедов, которых многие этнографы считают почти единственными в настоящее время потомками древнейших обитателей северной России и которые хранят еще воспоминания о былой жизни в более умеренном климате.

Что касается до славян, составляющих ядро народонаселения России, то они были уже известны Иорнанду под именем антов и венедов. В настоящее время обыкновенно признают, что они переселились в Россию с Карпатских гор. Византийские летописцы VI и начала VII вв., говоря о славянах, которых они называли склабои – название, появляющееся с конца V столетия, различают среди них две ветви: антов, живших от Дуная до устья Днепра, и собственно славян, живших на северо-востоке от Дуная вплоть до верховьев Вислы и правого берега Днестра. В этом отношении свидетельство византийских летописей совпадает с указаниями готского историка, Иорнанда. Некоторые из русских ученых, между прочим и профессор Ключевский, предполагают, что до поселения своего на Дунае славяне жили

¹ М. Ковалевский. Осетинское обычное право в сравнительно историческом освещении.

вблизи Карпат, откуда, пытаясь переправиться через Дунай, они вторглись в пределы византийской империи. Начавшись в III веке, эти захваты закончились тем, что славяне проникли в Южную Австрию и на Балканский полуостров. Однако, по свидетельству наших древнейших летописей, некоторые из племен, населяющих в настоящее время Кроацию, даже в X веке находились еще на склонах Карпат. Арабская летопись первой половины IX столетия, а именно летопись Масуди, говоря о восточных славянах, называет их *Valinana* – термин, тождественный с русским словом «волыняне», то есть жители Волыни – местности, расположенной на южном склоне Карпат. По свидетельству Масуди, эти волыняне главенствовали над всеми другими славянскими племенами; но возникшие между ними споры нарушили их единство и раскололи их на отдельные племена – каждое с собственным начальником во главе. Неудивительно поэтому, что при таких условиях они стали вскоре добычей аваров. В старейшей русской летописи, сообщающей дальнейшие подробности об обращении победителей с покоренными славянами (авары известны автору под именем обры) отмечен тот же самый факт. Вместо быков обры запрягали в телеги славянских женщин. Сообщая про это, летописец говорит о дулебах, как о народе угнетенном, и, таким образом, приводит нас к заключению, что уже в VI веке, когда произошло это нашествие аваров, славяне, жившие в Волыни, вблизи Карпат, были известны под именем дулебов. И именно из этой местности они переселились на восток, в Польшу и Россию². Византийские летописцы VI и VII вв. Прокофий и император Маврикий, которому лично пришлось сражаться со славянами, говорят о них, как о постоянно кочующем народе: «Они живут в лесах и по берегам рек небольшими селениями; они всегда готовы переменить место жительства». В то же время эти летописцы упоминают о них как о народе, питающем чрезвычайную любовь к свободе.

«С древнейших времен, – говорит Прокофий, – славяне всегда жили демократическими обществами: свои нужды они обсуждали на народных собраниях» (глава XIV, *Gothica*). «Славяне любят свободу, – пишет император Маврикий, – они не выносят над собою неограниченной власти и подчинить их нелегко» (*Strategicum*, глава XI). Так же отзываясь о них и император Лев. «Славяне, – говорит он, – народ свободный и чрезвычайно враждебный всякому подчинению» (*Tactica sen de re militari*, глава XVIII). Если византийские историки не говорят больше о вторжении славян в пределы империи во второй половине VII столетия, то объясняется это тем, что эмиграция их получила тогда другое направление: от Карпат они потянулись к Висле и Днепру. Таким-то образом в Мекленбурге, Люнебурге и Гольштейне, между Лабой и Одером и Одером и Вислой поселились славянские племена оботритов, венедов или лютичей и поморян. Они быстро в течение XIII и XIV вв. онемечились и почти окончательно исчезли в XV веке, оставив по себе кое-какие следы в Люнебурге и Померании, где их еще отличают под именем вендов или гловинцев.

Польские и русские славяне были известны под разнообразными прозвищами, как это явствует из «Повести временных лет». Но прежде чем сослаться на ее свидетельство, полезно будет обратить внимание на то, что иные из имен, употребляемых нами для обозначения различных ветвей одного и того же славянского народа, имеют происхождение родовое; таков оканчивающийся на *ич* суффикс, употребляемый и теперь для обозначения прямого нисходящего родства в первой степени. Но большая часть имен, даваемых летописью, определяет лишь характер местности, занятой данным народом, – поле ли это или лес, географическое положение, например север (северяне). Отсюда и трудность определить, в какой мере то или иное племя может считаться родоначальником нынешнего славянского народа. Например, мы еще не в состоянии сказать, происходят ли поляки от полян – от слова *поле*, – как полагают некоторые славянские писатели (между прочим, Первольф), или же от лехов – имени, встречающегося у начального летописца, когда он говорит об одном из

² Ср. Ключевский. Лекции по русской истории.

последних переселений восточных славян, переселений двух племен – радимичей и вятичей. По преданию, сообщаемому летописцем, они являются потомками двух братьев, живших среди лехов. Не найдя свободной земли на западном берегу Днепра, эти племена вынуждены были перейти реку и поселиться: радимичи – на берегах одного из восточных притоков Днепра, реки Сожи, а вятичи – к востоку от радимичей у верховьев реки Оки. То обстоятельство, что эти племена, явившиеся, так сказать, последними славянскими эмигрантами, пришли из страны лехов, кажется профессору Ключевскому подтверждением теории, по которой славяне переселились в Россию с подножья Карпат. Страна, лежавшая у подошвы этих гор, как мы видели – древнее местожительство кроатов, считалась, следовательно, в IX веке в эпоху, к которой относится приводимая летопись, страной лехов или поляков. Кроме этих позднейших эмигрантов, «Повесть временных лет» указывает нам по другую сторону Днепра на полян и северян, то есть на жителей полей и жителей Севера. Страна первых может быть отождествлена с Киевской, а вторых – с Черниговской губернией. Еще севернее – у истоков Днепра, Западной Двины и Волги – мы находим в это время кривичей, одна ветвь которых – полочане – поселилась на берегах Двины. Ближе к западу, между реками Двиною и Припятью, жили племена, известные под именем дреговичей. По южным притокам той же Припяти в обширных лесах рассеяны были древляне. Еще далее на запад, по берегам Западного Буга, обитали волосняне и дулебы, а самая северная ветвь славян занимала берега озера Ильмень и впадающей в него реки Волхов. Летописец называет ее новгородскими славянами.

Этот беглый обзор славян, населявших Россию в IX веке, в эпоху основания первых княжеств, интересен для нас постольку, поскольку показывает, что Днепр со всеми его многочисленными притоками справа и слева составлял на огромном протяжении восточную границу славянских поселений.

Предел этот был нарушен лишь вятичами, которые раскинулись на северо-восток до верховьев Оки. На севере славяне достигали обширной Валдайской возвышенности, откуда берут начало величайшие русские реки, и южной части Великой Озерной области, а именно озера Ильмень. Остальная часть обширной территории, простирающейся от Днепра до Волги, была занята на севере полу-оседлыми финскими племенами, из коих некоторые уже исчезли: весь – на Белом озере, меря – в области, занятой в настоящее время Московской и отчасти Ярославской губерниями, мещеры – в нынешней Рязанской губернии и мордва – племя, занимавшее пространство на восток от последних до Нижнего Новгорода, а в настоящее время населяющее, кроме обоих берегов Волги, часть берегов Яика. Дальше на восток жили народы финского племени – черемисы, вотяки и пермяки: первые – между Волгой и Вяткой, остальные два – по Каме. На севере в губернии Вологодской и особенно в Мезенском уезде и губернии Архангельской жили зыряне³.

К востоку от названных племен жило некогда племя, называвшееся угры; в настоящее время оно исчезло из Северо-Восточной России, где ему не раз приходилось сталкиваться с новгородскими славянами, колонизовавшими страну. Часть этого племени переселилась на Урал и, по словам профессора Анучина, известна теперь под именем вогулов и остяков, занимающих пространство – по крайней мере, последние – вплоть до Тобольской губернии и даже до западной части Томской. Рядом с этим важно отметить, что многие финские народцы, особенно черемисы и мордва, жили к западу от Волги. Черемисы во внутреннем бассейне реки Оки, а мордва – в непосредственном соседстве со славянами – факт, отмеченный Константином Багрянородным в его сочинении «Об управлении империей». Багрянородный называет их Мордия (Mordia), тогда как Иорнанд отмечает их в качестве народа, покоренного готским королем Германриком, и называет Мордан (Mordans).

³ Часть этого племени смешалась с народами туранской расы и известна в наше время под именем чувашей.

В то время как северная часть территории, расположенной к востоку от Днепра, была занята перечисленными финскими племенами, ее южная часть сделалась добычей завоевателей-кочевников неизвестного происхождения. Это были, между прочим, печенеги и половцы; русским княжествам приходилось бороться с ними в течение XI и XII вв., пока на смену им из империи Чингисхана не пришли татары. В первый раз татары вторглись в Россию в 1224–1226 годах; семнадцать лет спустя они под предводительством внука Чингисхана, Батые, завладели половецкими и славянскими землями, опустошили Валахию и в битве под Либнищем обратили в бегство монархов Польши и Германии. В конце концов, татары осели и поделились на орды. Главная из них расположилась вдоль одного из рукавов, образуемых Волгой при впадении ее в Каспийское море. Это военное поселение, находившееся недалеко от того места, где теперь стоит Царев, называлось Сарай.

Мы ушли, говоря о татарах, далеко за пределы периода первых славянских поселений в России; нам приходится поэтому вернуться назад и бегло познакомиться с другими факторами, участвовавшими в создании России.

Чтобы познакомить вас в общих чертах с происхождением первых русских княжеств, достаточно будет привести свидетельство начального летописца: новгородские славяне вместе с кривичами и жившими вблизи озер финскими племенами обратились к некоторым иностранным князьям с просьбой прийти «володеть и княжить» над ними. Ближайшей причиной этого акта была невозможность оградить себя от набегов и поборов различных полукочевых племен, одно время сохранявших спокойствие под владычеством хазар, государство которых, основанное в VIII веке, лежало на берегах Волги и Дона. Народ этот, туранского происхождения, сделался к этому времени оседлым и торговым. Подчинив себе волжских болгар и позволив арабским и еврейским купцам селиться среди них, хазары основали на нижнем течении Волги могущественное государство со столицей Итиль. Вскоре под влиянием живших среди них евреев они обратились в иудейство. Когда в IX веке могущество их начало падать, купцы, сплавливающие товары по течениям рек, лишились защиты от набегов и грабежей диких племен, вроде печенегов⁴. Славянам чрезвычайно было трудно отражать набеги таких воинственных кочевников, так как в это время наши предки жили отдельными племенами, не признавая над собой другой власти, кроме старейшин. Касаясь их быта, летописец говорит: «Каждый человек жил со своими родственниками, и эти группы сородичей составляли отдельные поселения». Для обозначения этих групп летописец употребляет слово *род*. В мирное время роды эти обыкновенно собирались для обсуждения общих дел. Говоря о решениях, принимавшихся сообща, летописец употребляет выражение: «снидошася вкупе». По-видимому, этот обычай был общим для всех славянских народов, начиная с балтийских и кончая чехами и поляками. Гельмголд и Дитмар говорят об общих собраниях всех славян балтийского побережья и об их единогласных решениях; а латинские летописцы употребляют выражения *conventus generale*, *colloquium* или *generalis curia*, определяя, таким образом, состав народных собраний в Богемии и Польше. У русских славян эти народные собрания были известны под именем *вече*. Вече было, как это точно установил профессор Сергеевич, существенной частью политических учреждений не только в наших северных народоправствах – Новгороде и Пскове до самого конца их существования, но также во всех русских княжествах, за исключением одного из последних по времени основания – Московского.

К числу наиболее старинных прав народного собрания принадлежало и право выбора главы государства. По свидетельству летописца, именно этим правом воспользовались славяне, отправив послов к варягам и призвав к себе на княжение Рюрика из племени Русь.

⁴ В древнейших летописях мы находим на этот счет кое-какие сведения. Они сообщают, как в 867 году два военачальника Аскольд и Дир назначали печенегам сражение вблизи Киева.

Летописец говорит, что к этому их принудили внутренние междоусобицы – «восстал род на род». Из какого именно племени пригласили, как говорит летописец, новгородские славяне и жившие по соседству с ними финны князя для правления и суда над ними? – Вопрос этот, по-видимому, разрешен изысканиями датского историка Томсена. Он показал, что слово *варяг* есть славянорусская форма скандинавского слова *wering* или *warang*. Разбирая имена первых русских князей варяжского происхождения, мы находим, что это имена скандинавские; так Рюрик в скандинавских сагах известен под именем Hrorrek; его брат Трувор под именем Thor-varðr; ближайший родственник его, Олег, под именем Helge с придыханием на первом слоге; следующий за ним русский князь Игорь называется в сагах Ingvar, а жена его Ольга – Helga, варяжский завоеватель Киева Аскольд слышит за Hoskulde. Причина, благодаря которой славяне и финны обратились к скандинавским князьям, а не к каким-нибудь другим, или, вернее, по которой они вынуждены были им покориться, заключается в том, что еще задолго до того варяги, как указывают византийские и арабские летописцы, спускались вниз по течению Днепра и Волги, желая достичь либо берегов Черного моря и оттуда Константинополя, либо Каспийского и столицы хазар.

Арабский писатель Ибн Фоцлан встретил на берегах Волги членов племени, называвшегося Русью, и о людях из этого племени он отзывается как о полукупцах, полувоителях. Он дает нам чрезвычайно живое описание их обычая сжигать мертвецов вместе с их имуществом, женами и слугами, – род погребения, чрезвычайно похожий на практиковавшийся у скандинавских народов. Ибн Фоцлан встретил членов племени Русь, как я сказал, на Волге; но древнейшие из русских летописей и некоторые западные говорят о военных отрядах, которые, находясь на службе у таких начальников, как Аскольд, шли за добычей в Константинополь, и об одном посольстве этого племени, прибывшем в Византию и отправленном оттуда к внуку Карла Великого, Людовику Кроткому. Последний случай относится к 839 году. Латинский историк прибавляет, что в тех, кто составлял посольство, узнали шведов. Нет ничего удивительного в том, если книги, основывавшие в те времена новые государства в Исландии, Нормандии и Сицилии, стали также хорошо известны и в Восточной Европе своими экспедициями полувоенного, полуторгового характера. Некоторые из них поселились со своими дружинами в Новгороде, тогда как другие основались на Белом озере и в Изборске ⁵, а третьи – именно Аскольд и Дир – на Днепре, в Киеве. Последние вскоре были покорены одним из членов Рюрикова рода Олегом, объединившим, таким образом, оба княжества – северное и южное.

Из Киева потомки Рюрика продолжали свои набеги на Константинополь, которые иногда заканчивались заключением торгового договора, вроде договоров Олега и Игоря. Оба эти договора дошли до нас в том виде, как их передает так называемая летопись Нестора.

В наши задачи не входит дать хотя бы и краткое описание того, каким путем варяжские княжества России на время объединились под управлением единого главы, а затем снова разъединились после смерти Ярослава, сына Владимира Святого, названного так за введение в России православия. Достаточно будет указать, что, начиная с XI века, Россия разделилась на множество высших и низших княжеств, управлявшихся членами одной и той же династии Рюрика и подчиненных более или менее номинально великому князю Киевскому. Русская удельная система приближалась, таким образом, к феодальным монархиям Западной Европы того же периода. Само собою разумеется, что подобная система ослабляла силу сопротивления России чужеземным завоевателям и в то же время вела к непрерывным войнам среди мелких князей.

⁵ В этом кроется смысл легенды о трех братьях: Рюрике, Синеусе и Триворе, воселившихся со своими дружинами в указанных выше местах.

Образ правления, установившийся в этих княжествах в XI, XII и XIII столетиях, далеко не был самодержавным. Народ сохранял свое старинное право обсуждать на народных собраниях текущие государственные дела. Народные собрания известны были в Древней России под именем *вече*. Говоря о людях, созывавшихся на эти собрания, летописи коротко отмечают присутствие всех граждан определенного городского округа. Неоднократно также встречаются в рассказе выражения вроде следующих: «люди нашей земли», «вся земля галичская» и т. п. Отсюда явствует, что мы имеем дело с собранием совершенно демократическим. Из этого, однако, не следует, что на собрания созывались все жители города. Вече было собранием не столько всего народа, сколько глав семейств или дворов, обозначаемых в первом русском судебнике – *Русской Правде* Ярослава – именем *верви*.

Довольно часто неизвестные авторы русских летописей намекают, по-видимому, на то, что участники народного собрания принимали известные обязательства не только на себя, но и за своих детей. Например, киевляне, собранные на вече, заявляют в 1147 году как от своего имени, так и от имени своих детей, что они будут бороться против Олегова дома, одной из ветвей династии Рюрика. Это заявление ясно показывает, что дети не участвовали в народном собрании; причиной этого могла быть их личная зависимость от глав нераздельных семей. Все те, кто не мог свободно располагать собой, были исключены из вече; таково, именно, было положение членов неразделившихся семей, а также лиц, потерявших свободу на войне или попавших в кабалу за долги. В обществе, построенном подобно древнерусскому на принципе кровного родства, неразделившиеся семьи были, несомненно, многочисленны; то обстоятельство, что одни лишь главы этих семей созывались на народное собрание, естественно ограничивало число его участников. Поэтому легко понять, что одной большой площади, вроде киевской или новгородской, на которой стояли княжеские дворцы, вполне хватало для народного собрания, хотя бы и при полном его составе, несмотря на то, что на вече допускались не одни лишь горожане, но и жители предместий и даже лица, случайно попавшие на него из городов. Летописи весьма часто отмечают присутствие на вече людей «черных сотен», «смердов и *подлых крестьян*» (термин, означавший земледельческое население страны).

Русское вече допускало лишь *единогласное* решение общественных дел. Каждый раз, когда летописцу приходится говорить о его постановлениях, он употребляет выражения вроде следующих: «Всеми старшими и младшими на вече было решено» и т. д.; «все были единодушны в своем желании»; «все думали и говорили, как один человек» и т. д. Когда добиться единодушия не удавалось, то меньшинство, если только оно не успевало переубедить членов большинства, было вынуждено присоединиться к его решению. В обоих случаях вече проводили целые дни в обсуждении одних и тех же вопросов, прерывая занятия лишь для уличных боев. В Новгороде эти бои происходили на мосту, проложенном через Волхов, и сильнейшая партия иногда сбрасывала своих противников в реку. Значительному меньшинству весьма часто удавалось приостановить исполнение мероприятий, уже принятых вече, но когда оно бывало слабым, воля его быстро сламывалась грубым актом насилия.

Компетенция русских вече была столь же обширна, как и подобных же политических собраний у славян, западных и южных. Неоднократно вече избирало главу государства с тем, однако, ограничением, что выбор не должен был выходить из границ Рюрикова дома, так как русские полагали, что, кроме этой династии, никто не имеет права осуществлять верховную власть. Народное собрание могло, однако, отдавать свое предпочтение той или другой ветви Рюриковичей; например той, которая шла по прямой линии от Владимира Мономаха, из нее Киевское вече и выбирало своих государей. Оно было также свободно высказаться в пользу младшего члена Рюрикова дома, несмотря на кандидатуру более старшего. Часто сделанный выбор находился в резком противоречии с законным порядком наследования, соблюдавшимся династией Рюрика. Этот порядок сильно походил на ирландскую *tanistry*, в силу

которой главой государства считался старший представитель правящего рода. На деле порядок этот требовал обыкновенно перехода наследства к оставшемуся в живых брату умершего, а не к его старшему сыну. Нередко также насилие решало вопрос, какая система – свободного ли выбора или законного наследования – должна взять верх. Это так называемое «добывание стола».

Каков бы ни был исход подобной борьбы, новый государь допускался к осуществлению верховной власти лишь после подписания своего рода договора или «ряды»; им он обязывался сохранить права тех, кем призван был княжить. Эти чрезвычайно любопытные документы, известные *ряды*, сохранились, к сожалению, лишь в одном Новгородском княжестве, что и заставило многих ученых думать, будто право заключения договоров с князем было ограничено одним этим северным княжеством. Профессор Сергеевич первый доказал при помощи многочисленных выдержек из русских летописей, что договоры, подобные новгородским, были известны всей России. Неоднократно упоминается в них о князе, который взшел на престол благодаря соглашению с киевлянами (с *людьми Киева утвердися*). Эти договоры между князем и народом – поскольку мы можем познакомиться с ними по нескольким образцам, сохранившимся в новгородских летописях – представляли собою род конституционной хартии, обеспечивавшей народу свободное пользование его политическими правами, каковы – право народного собрания обсуждать общественные дела и выбирать главу государства. Последнее право уже было гарантировано Новгороду общим съездом русских князей, состоявшимся в 1196 году. В тексте постановлений этого княжеского съезда мы читаем, что *все князья признают свободу, которою пользуется Новгород, свободу выбирать себе князя отовсюду, откуда бы он ни пожелал*.

Укажу и на другие ограничения княжеской власти: война не может быть объявлена *без ведома Новгорода*; ни один иностранец не может быть назначен *волостелем*; ни одно общественное должностное лицо смещено без законного основания, признанного таковым судебным установлением.

Анализ договора, подписываемого князем при вступлении его на престол, уже выяснил для нас некоторые функции вече. Вопросы войны и мира обыкновенно решались им. Никакая война не могла быть предпринята без народного согласия, так как при отсутствии постоянной армии князь не мог собрать другого войска, кроме милиции. Мирные и союзные договоры также подписывались именем князя и народа, как можно видеть из следующих слов договора Игоря с Византийской империей в 945 году: «Этот договор заключен великим князем русским, всеми другими князьями и всем народом земли русской». Правда, иногда князь объявлял войну против своего народа, но тогда он должен был рассчитывать исключительно на своих собственных воинов, на свою *дружину*, институт, весьма сходный с древнегерманским *comitatus* (*geleit*). Пока система раздачи земель за службу оставалась неизвестной, и князь мог награждать своих воинов лишь тем, что он брал на войне, дружина его была далеко не многочисленной. Это и вынуждало князя обращаться за содействием к вече всякий раз, когда он считал необходимым начать войну. Вече либо соглашалось на его требования и приказывало набирать войска, либо же совершенно отказывало ему в помощи; в последнем случае князю не оставалось ничего другого, как отказаться от своего намерения или же отречься от престола.

Из этого очень краткого и неполного очерка древнерусских народных собраний можно видеть, что средневековая Россия представляла собою федерацию княжеств, почти несвязанных друг с другом, в которых народу в большей или меньшей степени принадлежали обыкновенно различные суверенные права. И это отсутствие прочной связи, разумеется, ослабляло силу сопротивления России чужеземным завоевателям, поддерживало мелкие княжества в состоянии постоянной войны друг с другом и делало их легкой добычей для восточных кочевников, начиная с половцев и кончая татарами.

Выше мы показали, что славяне не были первыми насельниками России, что, по крайней мере, на юге в ту отдаленную эпоху, когда на Черноморском и Азовском побережьях основывались греческие колонии, жили народы арийского происхождения и что рядом с этими народами в южных же областях оставили следы своего пребывания в период их переселения из Азии в Европу многие туранские племена, начиная с венгров (угры или обры русских летописцев) и кончая болгарами, которые владели некогда могущественной империей и подчинили себе различные финские племена, но были уничтожены и отчасти замещены другим туранским племенем – хазарами. Последним славяне, переселение которых из пределов Карпатских гор началось во второй половине VII столетия, иногда должны были платить дань. Когда могущество хазар ослабело, находившиеся под их владычеством печенеги и позже половцы стали обычными врагами славян и мешали их расселению за восточной границей Днепра и его притоков. Более мирные отношения между славянами и финскими племенами, населявшими область больших озер и растянувшимися к югу до берегов Оки и ее притоков, в том числе и реки Москвы, привели к образованию смешанных княжеств под управлением иностранных государей скандинавского происхождения. Другие вторжения – всегда с восточной стороны, завершившиеся в XIII веке занятием татарами всего юга и юго-востока России, не только положили конец существованию самостоятельных славянских государств в южной России, но также сделали ее западную часть легкой добычей для литовских завоевателей из дома Гедемина. Это новое покорение подготовлено было тем обстоятельством, что огромное число жителей стали убегать перед татарскими опустошениями и скрывались в лесах и болотах. Княжества, расположенные в верхнем течении Волги, равно как свободные республики Новгородская и Псковская, продолжали одни покрывать славянскими колониями север и восток России. Эта колонизация приняла простую форму: она состояла в учреждении факторий и постройке укреплений по течениям больших рек, таких как Волга и Кама, Урал и Яик, Двина и Печора.

В центральной области современной России, которую сперва населяли финны, позднейшая славянская колонизация привела к образованию великорусского племени смешанной крови, как это уже видел читатель. Этот-то народ и объединили под своим господством московские князья и впоследствии цари, в то время как более южные и более западные ветви славян составили под властью сначала литовских, а затем польских князей племени малорусское и белорусское. Каждое из них говорит на особом наречии еще и теперь, по крайней мере, в деревнях.

Значение московской державы и установивших ее великороссов сильно выросло с уничтожением татарского могущества и последовательным присоединением различных ханств, на которые распалась Великая Орда, лежавшая у устьев Волги. Эта политика, начатая при Иване IV завоеванием ханств Казанского и Астраханского, счастливо завершилась при Екатерине II присоединением крымских татар. Можно было бы даже сказать, что распространение русского могущества на государства, некогда находившиеся под монгольским игом, продолжалось почти до наших дней. Многие части Закавказья, ставшие русскими лишь в последнем столетии, заселены татарами; а Туркестан, равно как и Закаспийская область, приобретенные Россией при Александре II, заняты тюркскими племенами. Таким образом, число национальностей, находящихся под русским господством, увеличилось и татарами, каковы казанские, астраханские, крымские, и народами самого разнообразного происхождения, некогда подвластными татарам. Из числа последних достаточно отметить киргизов и башкиров. Но, помимо этих присоединений и задолго до покорения татар Россией, уральский или яицкий казак Ермак начал при Иване IV присоединение сибирских народов, часть которых находилась под властью некоего Кучума. Это расширение русского господства на северо-восток продолжалось непрерывно вплоть до царствования Николая I, когда оно достигло берегов Амура. Чукчи и камчадалы у Берингова пролива, гиляки на Амуре и

сахалинские айны поглощаются Россией без большого сопротивления; иначе обстоит дело с тунгусами и остяками; эти народы быстро вымирают. С другой стороны, якуты призваны, по-видимому, к более долгому существованию, что в одинаковой мере может быть сказано относительно большей части племен на Кавказе и в Закавказье, покоренных Россией либо перешедших добровольно в русское подданство. Мы не будем пытаться перечислять здесь хотя бы приблизительно все эти народы. Назовем, однако, наиболее замечательных из них – грузин и армян, составлявших ранее одно королевство – Грузию и добровольно отдавшихся под власть России. Покорение горцев Кавказа было задачей более трудной. Некоторые из них, например жители Абхазии, предпочли или точнее были вынуждены выселиться из России. Случилось это в середине XIX столетия, но десятками лет ранее часть крымских татар также покинула Крым. Но большинство туземного населения наших южных окраин, начиная с кабардинцев на Западном Кавказе и кончая черкесами, чеченцами, кумыками, лезгинами и еще пятьюдесятью или шестьюдесятью мелкими дагестанскими племенами, предпочло остаться под русской державой. Со времени сдачи Шамиля Восточный Кавказ так спокоен, что мне легко было проехать его из конца в конец без всякого конвоя. Трижды мне приходилось также проводить недели и месяцы в высоких долинах Грузии и Мингрелии, не имея при себе другого оружия, кроме перочинного ножика. Все туземные племена замечательно добродушны и гостеприимны. Несомненно, однако, что большею нравственностью отличаются те из них, которые приняли магометанство, нежели оставшиеся христианами, как грузинские горцы, так как последние исповедуют христианство чисто внешним образом, так что с Христовым учением уживаются у них языческие предрассудки и следы дохристианской нравственности.

Задача определить происхождение и природу языков, на которых говорят все эти народы Кавказа и Сибири, далеко еще не может считаться выполненной. Некоторые дагестанские наречия были исследованы бароном Усларом (Ouslar). Единственная народность, грамматика которой была научно разработана настоящим языковедом, профессором санскрита Всеволодом Миллером, это – осетины. Относительно сибирских племен мы можем ждать серьезных исследований лишь в будущем. Определить происхождение всех этих народов чрезвычайно трудно; примером этой трудности могут служить, например башкиры и калмыки. Первые – смешанное племя, финско-туранского происхождения; они известны были еще арабским писателям X столетия и позже итальянским путешественникам XIII и XIV вв., главным образом Плано Карпини. Калмыки пришли из Китая. Во времена Алексея Михайловича, т. е. в XVII в. число их было достаточно велико, чтобы угрожать русскому господству в восточных губерниях Европейской России. Начиная с этой эпохи большинство калмыков обратно перешло границу и вернулось на место своего прежнего пребывания, тогда как меньшинству открыта доселе возможность вести свои кочевья в степях Астраханской и отчасти Ставропольской губерний. Калмыки имеют свою особую организацию и буддийское духовенство – черты, общие с другим народом неизвестного происхождения – с сибирскими бурятами, имеющими независимое церковное устройство.

Я готов настаивать на необходимости возможно скорого изучения языков этих полуварварских народностей, так как большинство их находится на пути к полному исчезновению. Остяки и тунгузы, например, вымирают; причиной этого являются, по-видимому, эпидемические болезни, неумеренное употребление спиртных напитков и, до известной степени, то обстоятельство, что переселенцы, приходящие из Европейской России, закупают лучшими землями. Леса поределли или совершенно уничтожены. Охотничьи и пастушеские племена Сибири неспособны приноровиться к новым условиям существования и часть их гибнет с голоду. Немецкий писатель, профессор Брюкнер, хорошо знакомый со всем сказанным, считает тем не менее за благо для цивилизации распространение русского господства в Азии. Я, разумеется, не стану спорить с ним, но должен заметить, что распространение

русского господства влечет за собой необходимо исчезновение в более или менее отдаленном будущем туземных племен. В этом отношении русские находятся в тех же условиях, что и англичане или американцы, колонизирующие индейские земли. Можно, однако, сказать, что разница между русским крестьянином-переселенцем и туземцем Сибири в отношении к его культуре менее значительна, чем англичанина или янки и краснокожего. Русским колонистам и племенам Сибири легче жить поэтому бок о бок в полном согласии. В некоторых местах целые русские деревни переняли одежду, нравы и обычаи местного населения. Так, на Кавказе казаки, на которых возложена была обязанность наблюдать за черкесами, стали чрезвычайно походить на них своим видом. Равным образом в Сибири встречаются русские переселенцы, успевшие «обьякутиться».

В то время как на востоке расширение России не встречало никакого серьезного препятствия, по крайней мере с момента падения татарского могущества, – на западе дело обстояло далеко не так. Объединившись в XVI столетии, Литва и Польша образовали большое и могущественное государство, которое долгое время мешало русским объединить под своим господством все ветви восточных славян. Начиная с Ивана Грозного, русские цари вели с поляками непрерывные войны из-за расширения своей западной границы. Смоленское княжество весьма часто переходило из рук русских государей в руки польских и наоборот. В 1611–1612 годах был даже поднят вопрос о том, не должна ли сама Москва получить польского короля. Вопрос этот был, в конце концов, решен в пользу русской самобытности, но Смоленск вскоре снова перешел в руки поляков. И лишь в царствование Алексея Михайловича, второго царя из дома Романовых, Польша должна была уступить России не только это долго оспаривавшееся владение, но даже всю южную часть своей собственной территории. Населенная казаками, она восстала из-за притеснений, чинившихся православной церкви, из-за попытки, оказавшейся, в конце концов, бесплодной, если не обратить народ в католицизм, то, по крайней мере, привести его к внешнему подчинению папе – попытки известной под названием «унии» и декретированной, если не установленной, на Флорентийском соборе (в XV веке).

1654 год, видевший конец господства Польши над Малороссией, был также началом расчленения этой великой и рыцарственной монархии. Это расчленение сильно подвинулось вперед при Петре Великом, когда к России была присоединена часть балтийских провинций, – яблоко раздора между поляками и шведами. Три последовательных раздела Польши в царствование Екатерины II не прекратили, разумеется, страданий этого доблестного народа, плохо управлявшегося эгоистической аристократией. Покорив поляков, за исключением галицийских и познанских, Россия присоединила к себе еще ранее балтийские провинции с их смешанным населением из немецких дворян – прямых потомков рыцарей, меченосцев и покоренных ими в XIV столетии язычников-туземцев – ливов и эстов. Последние известны были еще начальному летописцу под именем чудь. Эсты, финского происхождения, живут по всей Эстонии; ливы – той же семьи – дали свое имя Ливонскому краю (или Лифляндской губернии). С тех пор они почти совершенно исчезли на занятой ими прежде территории, но еще представлены в Курляндии. Массу населения прибалтийских губерний составляют теперь латыши, народ литовской семьи и, следовательно, арийского происхождения. Куры, давшие свое имя Курляндии, являются ветвью той же семьи. Население западных губерний России состоит главным образом: 1) из поляков, которых считают потомками древнего племени лех или ляхов, упоминаемого летописью Нестора; 2) из литовцев, живших на Висле и Немане; 3) из другой ветви литовского народа жмуди, живущей в западной части Ковенской губернии и из 4) белоруссов в губерниях Могилевской и Минской, и отчасти также в Гродненской и Виленской.

Но Польша не была единственной страной, которой приходилось терпеть от захватов разрастающейся России. Той же участи подверглась и Швеция. Под предлогом, что мно-

гие финские провинции входили в состав территории знаменитого северного города-республики, Новгорода, Петр Великий потребовал и отобрал у шведов берега Невы, где и построил новую столицу, Петербург. Затем для обеспечения мирного существования русской державы на Финляндском заливе он и его преемники присоединили сначала южные губернии Финляндии, а затем, в царствование Александра I, и остальную часть ее. Но в то же время они даровали этой стране свободное народное представительство и признали все ее старинные права и преимущества⁶.

С присоединением Польши и Финляндии Россия стала не только морской державой, владеющей всеми восточными побережьями Балтийского моря, но и второй по размерам своей территории и по числу своих жителей империей в мире (первое место принадлежит Великобритании).

Шестая часть суши находится в настоящее время во владении России, насчитывающей по последней переписи сто тридцать миллионов жителей (точнее 129 000 000). Ее колонии — Сибирь, Туркестан, Закаспийская область и Закавказье образуют одно целое с метрополией. Это представляет не только важные стратегические удобства, но и преимущества легкого передвижения для переселенцев, которым на протяжении пути не приходится выходить из пределов отечества. Российская империя обладает разнообразными климатическими условиями, начиная с тропического климата и кончая полярным. В известных частях страны растут виноград, апельсины, маслины, рис и хлопок, тогда как чернозем значительного числа южных губерний удивительно благоприятен для культуры пшеницы, а смесь глины с песком, общая для всей территории, простирающейся дальше на север, годится для культуры ржи и овса. Прибавьте к этому естественные богатства России в строевом лесе, железе, угле и в минеральных маслах, легкость сообщения по судоходным рекам, ее орошающим как с севера на юг, так и в противоположном направлении, и вы согласитесь, что за исключением, быть может, Соединенных Штатов, редкая страна обладает более благоприятными физическими условиями для развития как земледелия, так и промышленности. Славяне, составляющие большую часть ее населения, одного происхождения с англичанами, французами и немцами, не говоря о древних римлянах и греках. А смешение славян с французами и татарами могло только сохранить — и действительно сохранило — здоровую, стойкую и мужественную расу, как это всегда бывало и бывает при свободном скрещивании племен с помощью незапрещаемых законодательством смешанных браков.

* * *

Следующие главы этой книги будут посвящены выяснению того, в какой мере политические учреждения России благоприятствовали или, наоборот, мешали развитию как народа, так и страны. Другими словами, они явятся ответом на вопрос:

Каково в действительности было Московское государство в тот момент, когда оно впервые стало играть роль в истории Западной Европы; в какой мере его дух и учреждения изменились под влиянием более передовых народов; в какой степени это приспособление удалось

⁶ Население Финляндии, за исключением небольшого числа шведов, составляющих высший слой, и немногих русских, состоит почти исключительно из финнов, делящихся на две ветви — тавастов и карелов. Линия, проведенная от Выборга к северо-западу от Ботнического залива, составляет границу между этими двумя народами. Тавасты ближе к морю, карелы же живут к востоку от вышеуказанной границы и образуют большинство внутреннего населения страны. Север ее занят лопарями, которых считают первобытным населением Финляндии. Сначала они жили, по-видимому, значительно южнее, на берегах озер Ладожского и Онежского. Они называют себя или саме, или самеедна, и дали Финляндии ее первое прозвище Суоми, под которым она была известна и древнейшим русским славянам, назвавшим ее Суом. Финны живут также и в Петербургской губернии, где они носят различные обозначения. Наиболее распространенные — тжоры, тингри и чухна. Это последнее название весьма часто употребляется жителями столицы в оскорбительном смысле по отношению к прислуге и к простолюдинам.

и что еще остается сделать, чтобы Россия могла приобрести то материальное и духовное благосостояние, которое правительство в силах если не создать, то, по крайней мере, увеличить и развить.

Глава II

Государственные учреждения Московской Руси при первой династии

В 1553 году Ченслор в поисках нового пути в Индию через Полярное море, высадился в Холмогорской бухте и открыл, по крайней мере для своих соотечественников, сказочную империю московских царей. В течение следующих поколений английские купцы, составлявшие знаменитую компанию, учредили крупные фактории в Вологде и Архангельске, стали в огромных количествах вывозить корабельный лес, лен и коноплю, делали все возможное, чтобы, устранив голландцев и испанцев, сосредоточить эту отрасль торговли в своих руках и пытались даже, с разрешения царя Михаила Феодоровича, найти новый путь в Персию по Волге и Каспийскому морю. Потерпев в этой попытке полную неудачу, купцы продолжали извлекать крупные выгоды из своих мирных сношений с Россией и из той влиятельной роли, которую играл один из них, Джон Меррик, в деле заключения договора между царем Михаилом и Густавом Адольфом. Михаил Феодорович разрешил английским торговцам, как и другим иностранцам, поселиться если не в самой Москве, то, по крайней мере, в одном из ее предместий, известном позже под именем «Немецкой Слободы». Количество английских товаров, ввозившихся около середины XVII столетия, возросло до такой степени, что русские купцы несколько раз обращались к царю Алексею с челобитными, прося защитить их от иностранной конкуренции с помощью средства, до сих пор еще применяемого в Америке, как и в России – почти запретительных пошлин. Эта торговая политика восторжествовала на некоторое время, воздвигнув преграду дальнейшему ввозу английских товаров. Но в последующие тридцать лет, в течение которых в царствование Петра Великого, Россия должна была вести борьбу с европейскими странами на обширном поле материального прогресса, снова пришлось прибегнуть к развитой английской промышленности, которая с тех пор уже не переставала играть выдающуюся роль в техническом развитии страны.

Теперь, когда мы знаем, каким образом Англия и Европа вошли в соприкосновение с Россией, зададим себе вопрос, что же представляла собою эта Московская империя, столь своевременно открытая торговой конкуренции английских капиталистов и купцов.

Ченслор застал Россию под управлением одного из самых выдающихся людей, которые когда-либо руководили ее судьбами: мы говорим об Иване IV, более известном под именем Ивана Грозного. Первое, что узнали о нем государственные люди Англии, были его воинственные наклонности. Он намеревался покорить поляков, шведов и татар, чтобы, как он говорил, увеличить «свое наследие». Татарам ему удалось нанести смертельный удар уничтожением Казанского и Астраханского ханств. Он также присоединил русские удельные княжества, которые все еще сохраняли некоторое подобие независимости, либо же вошли в состав соседнего государства – Литвы.

Во всем этом Иван Грозный выказал себя настоящим продолжателем политики первых московских князей. Начиная с Ивана Калиты, эти ловкие князья пользуются географическим положением своего маленького княжества, окруженного лесами и болотами и потому почти недоступного татарам. Хотя и считаясь формально подвластными, они оставались, однако, почти независимыми от Великой или Золотой Орды, утвердившейся на берегах Каспийского моря. Более сдержанные, чем южные ветви династии Рюрика, потомки Калиты, вместо того чтобы бороться с ханами, подкупали их великолепными подарками и таким образом добились передачи им на откуп татарской дани, которую уплачивало население различных русских княжеств. Очень редко посещаемое дикими ордами монгольских завоевателей Мос-

ковское государство вскоре стало убежищем для всех беглецов, для всех тех, кто спешил укрыться при приближении татар.

Разбогатеv благодаря откупу татарской дани и быстрому увеличению числа своих подданных и плательщиков податей, московские князья вскоре нашли могущественного союзника в основателе великой Троице-Сергиевой лавры, расположенной близ Москвы. Ее первый настоятель, Сергей, советник Дмитрия Донского, этого народного героя первого победоносного сражения русских войск с магометанскими завоевателями, вскоре прослыл святым, и толпы народа стали ежегодно стекаться к его гробнице в Кафедральном соборе Троицка. Так как Киев, первая столица русского митрополита, непрерывно подвергался татарским набегам, то находившаяся подле него Печерская лавра начала терять свое прежнее значение в пользу Троицкой, основанной святым Сергием. Несколько позже эта лавра приобрела то же значение, какое до реформы имело для англичан Кентерберийское аббатство. Кроме окружавшего лавру высокого почитания, увеличению популярности московских правителей способствовал еще один фактор: Москва стала постоянной резиденцией главного представителя русской православной церкви. Киев не был для последнего достаточно безопасен и, после короткого пребывания во Владимире, он поселился в Москве в качестве могущественного союзника правившей там династии.

Вскоре митрополит стал законной опорой московских князей в их трудной задаче объединения Великороссии и поглощения как автономных городов-республик, Новгорода и Пскова, так и независимых княжеств – Тверского, Ростовского, Владимирского, Смоленского и т. д.

Внутренняя организация Московского княжества, а впоследствии Московского царства, была удивительно приспособлена к беспредельному расширению – так далеко, как была распространена русская речь и православная русская вера. Историки говорят о ней, то, как о системе поместья в увеличенных размерах, то, как о своего рода обширном военном лагере. И она, действительно, имела много общего с тем и другим, с тою лишь особенностью, что и поместье, и военный лагерь были открыты для всякого пришельца. Будь то авантюрист царской крови, русский, литовец или даже татарин, ищущий службы и земли, или свободный крестьянин, тоже желающий приобрести землю в потомственную аренду, с условием, чтобы известная часть необходимого для эксплуатации капитала была выдана ему собственником, – обе эти категории людей охотно принимались великим князем или землевладельческой аристократией. Ибо нарождающееся государство, более богатое землею, чем жителями, готово было обеспечить всякому пришельцу возможность получения ежегодного дохода путем обработки девственных полей и никем не занятых земель.

Военнослужащие, так называемые *служилые люди*, зачислялись в княжеское войско и их услуги оплачивались в форме военных бенефиций или пожалования земель, которые, не становясь собственностью военнoслужашего, находились в его владении в течение его действительной службы.

Свободные земледельцы, известные под именем *серебреников* – указание на деньги (*серебро*), ссуженные им землевладельцем, – селились на необработанных полях, принадлежавших либо князю, либо какому-нибудь другому земельному собственнику. Они получали от землевладельца необходимое количество семян, скота и лесу, а иногда и денег, чтобы иметь возможность покрыть первые издержки по своему устройству на девственной почве. На таких условиях они соглашались служить в качестве солдат под начальством князя или кого-либо из его подчиненных и платить государственные налоги. Сверх того, с них взималась арендная плата натурой или деньгами, а во время жатвы они должны были бесплатно помогать холопам, жившим на усадебной земле и исполнявшим их обычные обязанности.

Кто знаком с экономической жизнью средневековых замков Англии, Франции или Германии, тот легко заметит сходство между этой помощью, оказывавшейся в известные дни в

году свободными московскими арендаторами, и *love boons* англосаксонской эпохи, известным также на всем континенте Европы под латинским названием *precariae autumnae*. До такой степени верно, что юридические институты создаются не столько индивидуальным гением той или иной нации или расы, сколько потребностями самой жизни, что одни и те же институты могут встречаться у самых различных народов в различные века. Неудивительно поэтому, что в юридическом положении свободных арендаторов Московского государства, как и московских сельских рабов, встречаются, хотя здесь и речи не может быть о каком-либо прямом подражании, много черт общих с *coloni* и *glebae adscripti* императорского Рима и с *soemen* и мужиками средневековой Англии времен Плантагенетов.

Тут же параллель можно было бы установить между земельными угодьями, которые жаловались московским князьям за военную службу и теми угодьями, весь доход с которых принадлежал англосаксонским *thanes* и позже рыцарям феодальной Англии. Общеизвестен тот факт, что во времена Веды вся обработанная земля настолько бесспорно считалась естественным достоянием военных людей, что англосаксонские короли вызывали упреки в нелепой щедрости за уступку монастырям земель, которые-де нужно было сохранить исключительно для вознаграждения за военную службу. Тот же взгляд неоднократно проявляется и в истории Европейского континента, например, когда сам Карл Мартель по тем же соображениям раздавал своим товарищам по оружию земли, уже находившиеся во владении церкви, или когда уже в XVI веке, в Москве, был возбужден вопрос, не следует ли конфисковать монастырские владения, «дабы земля из службы не выходила». Хотя московские военные бенефиции и отвечали потребности – оплачивать услуги, оказанные государству, раздачей земель – потребности, общей всем феодальным монархиям средних веков, – тем не менее русские историки неосновательно заявляют, что военные бенефиции Московской Руси являются учреждением исключительно местным. Факт тот, что до XV столетия нет и речи о русских князьях, оплачивающих военную службу иначе, чем раздачей денег или вещей, взятых в качестве добычи на войне, между тем как распределение военных поместий под названием *iktaa* было хорошо известно во всем магометанском мире, и особенно у татар, за целые века до появления подобной практики в Москве. Эти соображения приводят к выводу, что такого рода практика установилась в Москве и других русских княжествах в подражание татарским ханствам.

Широкое применение этой системы – раздачи служилым людям земельных бенефиций – естественно привлекало в Москву со всех концов России и из соседних стран, граничивших с нею на западе и на востоке, много военных авантюристов. Этим путем и вошли в состав русской земельной аристократии литовские князья из некогда царствовавшей династии Гедиминов, как например Трубецкие и Голицыны. Наряду с ними главное ядро русского титулованного дворянства составили немецкие изгнанники – Толстые и Щербатовы, русские князья из присоединенных княжеств, члены правителей династии Рюрика: Курбские, Лобановы-Ростовские, Кропоткины и Горчаковы; финские и татарские начальники – Мещерские, Мордвиновы и Урусовы, не говоря уже о князьях Черкасских кавказского происхождения. Все эти фамилии поселились в XV и XVI веках на территории быстро разраставшегося княжества, рядом с потомками подвластных московским князьям феодалов; среди последних мы находим и род Романовых, к которому, как известно, принадлежит ныне царствующая династия. Таким образом, русская аристократия с самого начала составляла смесь элементов чрезвычайно разнородных, местных и пришлых, среди которых княжеские семьи вовсе не были более аристократического происхождения, чем нетитулированные дворяне, как например Романовы или Шереметевы. То обстоятельство, что Россия никогда не знала права первородства (майоратное право), за исключением периода с 1721 года до восшествия на престол Анны Иоанновны в 1730 году и что, следовательно, земельная собственность и титул передавались по наследству всем потомкам дворянской семьи, должно быть рассматриваемо

как главная причина того, почему русская аристократия не только не расширяла своего влияния и богатства, но непрестанно теряла и то, и другое. И это верно по отношению к ней почти с самого начала поселения иностранных княжеских семей на территории Московского княжества или, точнее, с того момента, как это поселение из временного стало постоянным. Ибо не нужно забывать, что солдаты, искавшие службы и вознаграждения за нее землею, имели обыкновение менять своих нанимателей; они покидали князей, одного за другим, сообразно со своими выгодами и личными вкусами. Эта свобода перехода из одного подданства в другое была формально признана союзными договорами, время от времени заключавшимися между русскими князьями. «А вольным слугам меж нас вольным воля» – такова неизменная формула, подтверждающая в документах этого рода право переселения из одного княжества в другое.

До территориального расширения Московского княжества его правители были лично заинтересованы в поддержании таких обычаев. Необычайная щедрость, с какою богатые и воинственные потомки Ивана Калиты раздавали служилым людям землю и военную добычу, должна была сильно увеличить число их воинов в ущерб соседним князьям. Но позже, когда маленькое Московское государство превратилось в самое большое княжество в России, его великие князья и цари сочли более выгодным считать бунтовщиками всех тех, кто, однажды вступив в их армию, пытался потом ее оставить, с целью получить землю и службу у какого-нибудь другого властелина. В интересной переписке Ивана Грозного с одним из таких бунтовщиков и эмигрантов, известным князем Курбским, мы находим следы этого конфликта между старой теорией свободной военной службы и новой практикой конфискации не только военных бенефиций, но даже наследственного имущества тех, кто уходил в подданство к какому-нибудь новому государю. Курбский настаивает на несправедливости подобного образа действий, тогда как в глазах царя лишь смертная казнь виновного и истребление всего его рода являются достаточным возмездием за такое, по его мнению, бесчестное и изменническое поведение.

Чтобы удержать солдат на своей службе, московский царь принял в то же время ряд мер, направленных к увеличению доходов с пожалованных в качестве бенефиций земель. Наиболее действительные и выдающиеся из этих мер заключались в ограничении права свободных арендаторов переходить на жительство с занятой ими земли на какую-нибудь чужую землю. Это еще не было тем, что мы называем крепостным правом, которое было введено лишь в период более поздний – в царствование первых трех монархов из ныне правящей династии. Это было нечто вроде того прикрепления к земле, которое в императорском Риме превращало свободного, но задолжавшего фермера в колона, то есть человека свободного, но не имевшего права менять место жительства.

Решительным фактором этой эволюции и здесь, как за много веков до того в Риме, явились экономические затруднения. Правительство пользовалось задолженностью фермера, чтобы помешать ему оставить землю, если только не находился какой-либо помещик, который соглашался уплатить его долги, с тем чтобы должник с этого момента переходил на его службу в качестве арендатора или раба. Более богатым дворянам это давало возможность сосредоточить на своих землях наибольшее число действительных земледельцев, и мелкие землевладельцы неоднократно жаловались на вред, причиняемый им подобным положением вещей. Представители военной аристократии находили у московских князей и царей не только решительную поддержку, когда дело шло об обеспечении себя дешевым трудом, но даже склонность поработать людей, действительно занимавшихся земледелием.

Они были также допущены московскими государями делить с ними честь и труд направления внешней и внутренней политики государства. Не все дворяне могли заседать в частном совете царя или *Думе*. Эта привилегия давалась лишь известным фамилиям, принадлежавшим либо к высшему слою московского боярства, либо же к некогда правившим

династиям из присоединенных княжеств, независимо от того, были ли они по происхождению русскими, литовскими, татарскими или кавказскими. Члены поместного дворянства даже вынуждены были отказаться в пользу иностранных князей от того положения, которое они занимали ранее в общественной иерархии. Так, и Романовы, и Шереметевы должны были уступить первенство Голицыным и Трубецким, Шуйским и Милославским, из которых два первых рода были Гедиминовичи, литовского происхождения, а два последних – Рюриковичи, потомки основателя русского государства.

Только в рядах высшей аристократии выбирали московские государи своих посланников и начальников военной и гражданской администрации – от председателей высших исполнительных и судебных установлений, называвшихся *приказами*, до окружных и городских воевод. Эти воеводы одновременно являлись и откупщиками всех доходов, которые получались от косвенных налогов и отчасти от судебных штрафов. Этим объясняется, почему они смотрели на свою должность, как на своего рода правильную ренту, и добились ее у царя, как бенефиции (*кормление*). Ответственные перед короной за сбор лишь заранее определенной суммы, воеводы имели право весь излишек обращать в свою пользу. Народ горько жаловался на их злоупотребления своей почти неограниченной властью и на недостаток справедливости и милосердия по отношению к тем, кого они судили или кем управляли.

Во главе войска мы находим также одних лишь представителей высшего слоя дворянства, известных под именем бояр. Это, однако, не мешало существованию в их рядах иерархических отличий. Высшие места были заняты думными боярами, следующие – окольничими, то есть теми, кто должен был находиться при особе великого князя, а позже – царя, последние – обыкновенными дворянами, имевшими право заседать в Думе – думными дворянами.

Эти отличия строго соблюдались не только при замещении военных или гражданских должностей, но даже при распределении мест за великокняжеским столом на придворных пирах. Сын какого-нибудь боярина ни за что не соглашался служить под начальством прямого потомка окольничего, ни сидеть за столом ниже его. Чтобы принудить непокорного, князь бывал вынужден прибегнуть к своей власти или, по крайней мере, обещать, что этот случай на будущее время не сможет служить прецедентом. Таков был реальный характер этого пресловутого права сохранять из поколения в поколение то положение, которое было однажды приобретено занятием определенного поста. Оно было известно в XVI и XVII веках под названием *местничества*.

Мы не будем останавливаться на том громадном вреде, который проистекал из такого рода обычая. Неоднократно местничество являлось истинным препятствием к хорошему управлению, лишая великого князя возможности призвать на службу тех, кого он считал наиболее способными. И лишь в конце XVII века царь Федор, сын Алексея, третий царь из дома Романовых, положил конец этим смешным претензиям, приказав все относившиеся к этого рода спорам документы сжечь, а генеалогию аристократических фамилий вести впредь на геральдических бумагах.

Мелкое дворянство состояло отчасти из бывших боярских семей, быстро пришедших в упадок и сведенных на низшее положение, благодаря тому, что их прямые предки не занимали высшей должности ни в войске, ни на гражданской службе, отчасти же из обыкновенных военнотружеников; последние были известны под именем *дворян*, тогда как первые продолжали именоваться *детьми боярскими*. Те и другие несли службу в рядах войска и получали в виде вознаграждения большее или меньшее количество земли в зависимости от того, сколько людей обещали они вооружить и выставить на поле битвы.

Еще ниже двух этих сословий были писцы или *дьяки*, которые в сущности и управляли всей административной машиной под начальством бояр, поставленных во главе приказов и

воеводств. Значительное число этих дьяков возведено было великими князьями и царями в дворянское достоинство; немногие из них проникали в низшие ряды боярства.

Из этого беглого обзора внутреннего устройства Московского государства можно видеть, что все преимущества власти и богатства были предоставлены одной только военной аристократии.

Что касается третьего сословия, состоявшего из городских и сельских обывателей, то оно пользовалось единственной привилегией – платить налоги, от которых высшие классы были освобождены. Таким образом, можно сказать, что все население великого княжества делилось на два обширных слоя – высший и низший; первый – обязанный государству военной службой, а второй – податями. Между ними мы находим духовенство, очень многочисленное, очень богатое землями и свободное (по крайней мере, члены самого духовенства, если не население их земель) от платежа налогов – прямых и косвенных.

О богатствах, которыми владело последнее сословие, можно судить на основании хотя бы следующих фактов: на территории одного только Московского округа земли духовенства составляли около трети всей годной к обработке поверхности, а в первой половине XVII столетия такие монастыри, как Соловецкий или Кирилло-Белозерский принадлежали к числу крупнейших земельных собственников, которых когда-либо видел свет. Не одно лишь благочестие заставляло наших предков проявлять такую щедрость по отношению к духовенству; к этому их побуждало еще и желание обеспечить хотя бы часть своего имущества от конфискации и освободить его от податей и налогов, а также и от лихоимства гражданских властей. При таком мстительном государе, как Иван Грозный и при гражданской администрации того времени, отличительные свойства которой не составляли ни честность, ни чувство ответственности, для землевладельца самым надежным средством было заложить свою землю в каком-нибудь монастыре и тем самым передать ее в заведывание последнего; ибо в ту эпоху ипотека предоставляла право пользования, чего больше нет в наши дни. Отсутствие денег было второю причиною, заставлявшей земельных собственников продавать или по крайней мере закладывать их имения таким значительным владельцам движимости, какими были русские монастыри XVI и XVII столетий. Заложенные имения нередко переходили в собственность заимодавца, ибо должник не всегда имел возможность выкупить его обратно, благодаря чрезвычайно высокому ссудному проценту.

В силу этих причин церковная земельная собственность увеличивалась в быстрой прогрессии, угрожая интересам короны и служилых людей, существование которых обеспечивалось раздачей им земель. Поэтому не удивительно, что царь Иван Грозный останавливался в течение некоторого времени на мысли о необходимости полной секуляризации церковного имущества – вроде той, которая была произведена в Англии при Генрихе VIII и во Франции во время великой революции. Проект казался тем более осуществимым, что среди самого черного духовенства находился многочисленный класс людей, восстававших против всякого скопления богатств в руках тех, чей долг искать спасения в молитве и воздержании. Уверившись, таким образом, что его планы встретят поддержку, Иван Грозный созвал общее собрание духовенства, известное в России под именем *Священного Собора*. Он состоялся приблизительно в то же время, когда завязались первые сношения между Москвой и Англией.

Несмотря на энергичные обличения Нилом Сорским земельных стяжателей, большинство собравшихся под председательством Иосифа Волоколамского отвергло идею экспроприации, и русское духовенство сохранило свое право поземельной собственности вплоть до царствования Екатерины II, когда секуляризация церковного имущества стала совершившимся фактом.

Не успев в своей основной попытке отобрать у церкви ее имущество, Иван Грозный принял ряд мер для воспрепятствования росту ее имений и доходов. Эти меры оказывали свое действие, пока жив был Иван. Но в так называемое *смутное время*, наступившее с кон-

цом первой династии, положение дел снова стало благоприятствовать увеличению числа церковных вкладов и ипотек.

Этим объясняется быстрое уменьшение количества земель, предназначавшихся в вознаграждение за военную службу, что и заставило государство несколько позже распространить обязательность действительной военной службы даже на тех, кто владел и наследственным имением, не отягченным ипотеками.

Собственники земель, известные под именем *отчины* или *дедины* (термин, знакомый также салическому праву древних франков), были обязаны выставлять известное число вооруженных солдат в соответствии с раз и навсегда установленным отношением к количеству десятин или *четей*, составлявших поверхность земель владельца. Когда Петр Великий предпринял реорганизацию общественного и политического строя России, он нашел вполне готовый материал для проведения основного принципа своей реформы, а именно, чтобы каждый дворянин, к какому бы слою высшего класса он ни принадлежал и каков бы ни был характер его владения – военные ли бенефиции или наследственная земля, оставался на государственной службе в течение всей своей жизни, сперва в рядах армии и вновь созданного флота, а затем, когда старость или плохое состояние здоровья станут препятствием к отправлению военных обязанностей, по крайней мере, в качестве гражданского чиновника.

На таких условиях русское дворянство, с этого времени известное под польским названием *шляхты*, освобождалось от уплаты подушной подати и получало исключительное право владения землями, обрабатывавшимися крепостными. Лишь в конце XVIII столетия русские дворяне были освобождены Петром III и Екатериной II от обязательной службы, и под именем *дворян*, сохраненным и поныне, стали классом землевладельцев, призванным отправлять некоторые функции местного управления на территории провинции или округа.

В настоящей главе мы пытались показать, какая тесная связь существует между социальными порядками современной России и старой Московской империи. Еще неоднократно представится случай отметить, как чуждые, по-видимому, реформы, проведенные в течение двух последних веков по образцу Швеции, Германии, Франции и Англии, были в сущности привиты к чисто русским учреждениям. В результате получалось почти полное изменение характера самой реформы. Таким образом, еще раз подтверждается то положение, что подражание редко принимает форму простого перенесения чужого учреждения и скорее является приспособлением этого учреждения к старым условиям существования данного народа, созданным всем его прошлым.

Сделав беглый обзор общественного и политического строя Московского княжества, спросим себя, какие новые элементы были внесены в этот строй тремя первыми государями, принявшими титул царей – Иваном III, Василием III и Иваном Грозным. Первый из этих трех монархов был истинным основателем русского самодержавия. Он должен быть признан таковым не только потому, что уничтожил остатки примитивной демократии, некогда общей для всех средневековых русских княжеств и еще существовавшей в Новгородском и Псковском, но также и потому, что, женившись на греческой принцессе из императорской фамилии Палеологов, он первый заявил притязание на наследование византийским императором в деле управления православным миром. Именно с этого времени Москва начала считаться как бы новым Константинополем, и русские митрополиты, некогда греческого происхождения и назначавшиеся греками, стали равны, если не выше, митрополитам византийскому, иерусалимскому и антиохийскому.

Оба эти события – падение некогда славных республик и открытие доступа в Россию византийской цивилизации и византийским теориям императорского самодержавия имеют значение поворотных пунктов в политической эволюции России. Чтобы изгладить сами воспоминания о былой независимости, русские цари не только запретили впредь созывать народные собрания или *вече* в Новгороде и впоследствии в Пскове, но и заставили даже

наиболее видные семьи этих областей избрать своим постоянным жительствою территорию Московского округа, а присоединенные республики заселили московскими выходцами. Прямое влияние второй крупной перемены, имевшей место в царствование Ивана III – проникновение византийских идей вследствие брака с византийской принцессой, вскоре сказалось в царствование его непосредственных преемников. Писатели того времени свидетельствуют, что, вопреки обычаям прошлого, царь делал все самолично, не спрашивая мнения бояр и советуясь лишь с одним или двумя приближенными незнатного рода, либо с греческими и русскими монахами, людьми эгоистическими, заботившимися лишь об увеличении собственных богатств и на этом условии готовыми всей душою примкнуть ко всякому злоупотреблению властью, совершенному царем в свою пользу.

Когда Иван Грозный принял правление в свои руки, он имел перед глазами пример двух своих ближайших предшественников; кроме того, он находился под свежим впечатлением того огромного зла, которое за время его детства было причинено государству правлением думских бояр. И у него явилось стремление сокрушить эту силу и спрашивать советов у представителей если не всего народа, то, по крайней мере, тех общественных слоев, которые более или менее справедливо могли считаться в Москве представителями различных сословий, призванными помогать царю в военном и гражданском управлении государством. Таково происхождение известных *Земских Соборов*, которые неоднократно рассматривались, как сколок и с английского парламента, и с французских Генеральных Штатов. В числе первых лиц, приглашенных к участию в этих соборах, были, кроме членов Боярской Думы и высшего духовенства, делегаты класса *служилых людей*, известных под именем *детей боярских и дворян*, – название, которым в настоящее время обозначается аристократическое происхождение. На Соборе 1556 года – первом, состав которого известен нам в деталях, этот класс насчитывал двести пятьдесят представителей – более половины всего числа присутствовавших. Почти все они были выбраны из той тысячи дворян, которые в 1550 году, по указу царя и членов Ближнего Совета, получили в дар землю вблизи Москвы, в районе семи географических миль. Эти дворяне были старейшими в своем разряде по происхождению и по заслугам. Часть из них получала в качестве бенефиции по 300 четей (около 50 десятин) каждый и образовала первый разряд. Второй разряд составил из тех, кому было дано не более 225 четей; третий получил всего 150 четей на душу.

Этот дар составлял лишь прибавку к обширным поместьям, которыми уже владели упомянутые дворяне в различных частях государства на правах собственности или пожизненного владения. Каждый из этих разрядов, вместе довольно полно представлявших сословие служилых людей, получил приказание послать известное число делегатов: первый девятью семь, не считая девяти из округов Луцкого и Торопецкого, которые упоминаются особо.

Остальные сто десять депутатов принадлежали ко второму и третьему разрядам, и это были члены дворянских родов, живших в тридцати восьми округах, половина которых была расположена в западной части русского государства. Предпочтение, оказанное этим провинциям, имело следующее основание: Собору предстояло решить вопрос, продолжать ли войну с Польшей, и, конечно, никто не был более заинтересован в разрешении этого вопроса, чем служилые люди западных губерний, на долю которых и выпадало ведение этой войны. Поэтому было естественно спросить их мнение раньше других. Можно прибавить, что это было также вполне практично, ибо их полки по той же причине находились либо в самой Москве, либо вблизи нее.

Третье сословие насчитывало среди присутствовавших семьдесят восемь членов. Двенадцать из них принадлежали к классу купцов, торговавших с иностранными державами; эти купцы носили особое название – «гости». Остальные представляли два различных подразделения московских суконщиков: к одному принадлежали купцы из «*Смоленских рядов*»,

сохранивших это название чуть ли не до наших дней, а к другому те, что были известны под особым именем *московских торговых людей*.

Конечно, трудно считать всех этих делегатов действительными представителями третьего сословия России. Но они не были также представителями одной лишь Москвы, потому что, по общему правилу, в высших слоях торгового класса правительство выбирало должностных лиц для взимания косвенных налогов во всем государстве. Это были так называемые *верные люди*; с них бралась присяга, что они верно и честно будут исполнять возложенные на них функции контроля.

Простой просмотр списка приглашенных на Собор приводит нас к тому заключению, что русское правительство не искало совета наиболее сведущих людей в государстве; ему было лишь нужно узнать мнение тех, кто стоял во главе солдат или плательщиков податей; оно желало узнать не столько о нуждах населения различных округов, городов и посадов, сколько о числе ратников и о сумме денег и всякого добра, которыми оно могло располагать в случае военных или политических затруднений.

Тот же характер проявляется в составе позднейших Соборов и в задачах, которые им ставились, например в Соборе 1598 года, созванном для избрания нового царя вследствие прекращения династии Рюрика. Как и в 1566 году, члены Боярской Думы и среди них думные и приказные дьяки, в руках которых находилось высшее управление государством, были приглашены на Собор наравне с высшими чиновниками личной государевой казны или *двора*; в 1566 году последних не было. Служилые люди составляли на этот раз больше половины всего числа присутствовавших; большинство принадлежало к разряду московских дворян, которые командовали полками или занимали высшие гражданские должности. Но, кроме них, мы встречаем на Соборе 1598 года выборных, взятых из высшего слоя местного дворянства, которое, по заслуживающему доверия свидетельству Margeret, должно было посылать в Москву от каждого города определенное число своих членов для непрерывного пребывания там в течение трех лет. Их назначением было, очевидно, помогать центральному правительству в делах, касающихся провинциального военного управления и распределения земель в вознаграждение за военную службу. Постоянно находясь в Москве, они могли участвовать в заседаниях Собора наряду с некоторыми московскими дворянами, которые не совсем еще покинули свой родной округ, хотя и исполняли военные и гражданские функции в столице. Третье сословие совершенно так же, как и тридцать два года назад, было представлено на Соборе известным числом гостей (или московских купцов, торговавших с иностранными державами – всего двадцать один) и делегатами наиболее крупных купцов, занимавшихся внутреннею торговлею. Среди последних суконщики, как и в 1566 году, составляли особый класс под названием *смоленских купцов*.

И на этот раз власти, правившие Московским государством, хотя и более подразделенные, собрались вместе не за тем, чтобы выразить насущные нужды земельной аристократии и буржуазии или сельских общин, как это было бы на собрании английского парламента, а чтобы обсудить вопрос столь значительной общественной важности, как выборы новой династии.

Мы не продолжим далее изучения состава первых Соборов. И приведенных данных достаточно, чтобы объяснить, почему представительство правящих классов московского общества было невозможно в какой-либо другой форме, кроме описанной нами. Кто примет во внимание чрезвычайную обширность русского государства в то время, когда Соборы впервые появляются в его истории, кто вспомнит, что невозможно было достигнуть столицы менее чем в несколько месяцев ввиду плохого состояния дорог и отдаленности некоторых провинций, как Новгород, Псков, Архангельск, берега Енисея или Урала, Камы или Волги, тот легко поймет, что парламентарное представительство не могло принять в России тот общий характер, какой оно имело в Англии. С другой стороны, отсутствие личной свободы,

с каждым поколением все глубже чувствуемое в рядах двух наиболее многочисленных классов московских жителей – класса крестьян, *de facto*, если не *de jure*, уже прикрепленных к земле, и класса простолюдинов или горожан, вынужденных постоянно жить на месте своего рождения благодаря системе круговой ответственности в уплате налогов, – отсутствие личной свободы, говорим мы, было естественным препятствием для более или менее реального представительства этих двух классов на Соборах. В России, в этом, по крайней мере, отношении похожей на Англию и Францию, не было ничего аналогичного шведской и, позже, финляндской четвертой палате, состоявшей из делегатов от свободных крестьян.

Россия никогда также не знала тех «добрых и верных людей» того или иного города или посада, из которых состояла часть палаты общин, начиная с того момента, когда Симон Монфор попросил третье сословие поддержать перед короной требования дворян и *squires* – событие, имевшее место, как известно, в 1265 году. Из трех «рук» (*brachios*), из которых состояли кортесы Арагонии или Кастилии, Московское государство знало лишь *caballeros* или владельцев военных поместий.

Немногих представителей третьего сословия, которые появляются на Соборах, можно, пожалуй, сравнить с делегатами тех купеческих гильдий, которые некогда, в XII и XIII столетиях, вместе с откупом регулярных доходов, поступавших в казну от городов и посадов, сосредоточивали в своих руках и все внутреннее управление последними.

Но даже и в этом отношении обширные размеры Московского государства создали особую необходимость искать поддержки лишь в той части торгового класса, которая постоянно жила в столице.

Иван Грозный произвел глубокое изменение в старой системе управления не только созданием Соборов, но также ограничением политической власти Думы и расширением ее судебных функций. Первая цель была достигнута, когда, под предлогом действительных или предполагавшихся заговоров бояр, царь без суда подвергал бояр казням и конфискациям, иногда снисходя к замене земельного имущества осужденных, обыкновенно присоединявшегося к царским владениям, какими-нибудь землями в отдаленных провинциях. Этим путем ему удалось лишить старые, некогда правившие русскими княжествами, семьи той материальной поддержки, которую они черпали в обширных владениях на территории этих княжеств. Представители многих из этих отдаленных ветвей династии Рюрика, зная участь, ожидавшую их в случае дальнейшего пребывания в Москве, уходили в добровольное изгнание и эмигрировали в Польшу, предоставляя короне конфисковать их имущество.

В результате Дума в значительной мере утратила свой аристократический характер, и в ряды бояр вступили новые фамилии, обязанные своим высоким положением не столько знатному происхождению, сколько бракам царя или его родственников с женщинами из их рода. Так Годуновы и Романовы по прекращении Рюриковой династии заседали в Боярской Думе лишь с двумя или тремя родами более знатными по происхождению, чем их; это были Шуйские, Милославские, Голицыны и Трубецкие, которые выступали среди прямых или косвенных соискателей русского престола в смутное время, начавшееся с появлением первого претендента – Лжедмитрия.

Мы бегло обозрели главные черты социального и политического здания Московского государства в век, предшествовавший вступлению на престол дома Романовых и началу длинного, до сих пор еще не закончившегося, периода реформ. Заканчивая это сжатое изложение предмета, который трактовался уже в самых мелких деталях русскими историками, законоведами и экономистами, мы можем кратко отметить тот факт, что административная машина вся целиком была построена так, чтобы ее легко было распространить на вновь приобретенные территории. Действительно, как только какая-нибудь иностранная провинция или независимое государство, как например Казанское царство и Астраханская орда, покорялись русским оружием, правительство зачисляло его аристократию в ряды московских

служилых людей, давая княжеский титул тем, кто когда-либо и раньше носил его в своем государстве, либо же был известен под именем *мурзы*, очень распространенным в магометанском мире. Низшие классы населения завоеванных провинций финского, татарского или славянского происхождения впредь безразлично зачислялись в податное сословие в качестве крестьян или жителей посадов, к каковому разряду считались принадлежащими даже такие большие города, как Казань. В то же время царь приказывал нескольким сотням московских служилых людей занять цитадель завоеванных городов и отмежевывать им во вновь приобретенных областях крупные поместья, большая часть которых до того находилась в руках местного дворянства. Так поступил Иван III по присоединении Новгорода и его сын Василий – по сдаче Пскова.

Такова же была политика Ивана Грозного по отношению к Казани и Астрахани с тою лишь разницей, что, встретив, по крайней мере в первой из этих двух провинций, отчаянное сопротивление со стороны дворянства, русская армия воспользовалась этим предлогом, чтобы истребить вождей аристократической оппозиции. Их имения были конфискованы и переданы московским служилым людям. Немногие дворянские фамилии, избежавшие общего истребления, получили приказание поселиться в Москве или избрать себе на жительство какую-нибудь другую провинцию, не принадлежавшую к завоеванному царству.

Чтобы удержать покоренные народы в подчинении, московское правительство строило новые крепости, как Свияжск на среднем течении Волги, немного позже Мензелинск, на небольшом расстоянии от Камы, и Оренбург – в непосредственной близости с другой большой рекой, впадающей в Каспийское море, Ликолы или Уралом.

Вместе с Астраханью и несколькими укрепленными пунктами меньшей важности, находившимися между устьем Волги и Нижним Новгородом, эти крепости становились достаточно сильными для поддержания порядка и мира среди различных финских племен, таких как мордва, черемисы, чуваша и ногаи, жившие по обоим берегам огромной реки, соединяющей внутренние провинции России с Каспийским морем.

Мензелинск и Заинск играли ту же роль в поддержании русского могущества среди финских племен, разбросанных по мелким притокам Камы, а Астрахань, Оренбург и Уральск несли одинаковую службу, защищая русские провинции от вторжения киргизов или башкиров и калмыков, народов монгольской расы, из коих последний незадолго до того поселился в России, придя из столь отдаленных стран, как Китай.

Для удержания покоренных народов в повиновении русское правительство пользовалось также поддержкой со стороны казаков, легкой кавалерии, состоявшей из добровольцев, которые пожелали поселиться на обширных незанятых пространствах земли, расположенных за пределами Московского государства и доступных нападению татар. Казаки заняли эти территории многочисленными самоуправлявшимися группами, одинаково легко бравшимися и за ремесло грабителя на большой дороге, и за защиту русского могущества и православной церкви.

Нескольким полкам этих добровольцев было разрешено переселиться с берегов Дона, в старину – Танаис, на Урал и там в близком соседстве с башкирами основать нечто вроде полунезависимой военной республики, призванной защищать Россию от нового нашествия монголо-финской расы. Одним из таких казаков наняли богатые пермские промышленники Строгановы на трудное дело очищения северо-восточной границы от периодических набегов варварских или полуварварских народцев. Исполняя это поручение, он с маленьким отрядом своих людей дошел до Западной Сибири, где столетие назад на берегах Иртыша княжеская фамилия Тайбугов основала татарское царство.

Это государство, управлявшееся во время Ивана Грозного неким Кучумом, состояло из различных племен, как остяки и башкиры. Только высший класс составляли татары, которые будучи магометанами прилагали все усилия, чтобы обратить в свою веру туземные племена.

Последние все же сохраняли свои древние нравы и обычаи, как и некоторый вид независимости. Они были лишь обязаны платить новому правительству регулярную подать. Последнее было, кажется, как и в Казани, характера более или менее аристократического, и верховная власть принадлежала не только хану, но и некоторому числу второстепенных начальников, известных под именем *мурзы*. Несогласия между правителями и управляемыми, на которые в довольно туманных выражениях сделан намек в послании царя Кучума к Ивану Грозному, ослабляли могущество молодого государства. Этим объясняется слабость сопротивления, оказанного казацкому вторжению. Все завоевания, совершенные Россией на юго-востоке и на севере, были выполнены маленькими отрядами солдат, которые атаковывали города, овладевали их деревянными или каменными крепостцами и, не решаясь проникнуть в дикие места, занятые туземцами, довольствовались получением от них чисто формального выражения покорности. Что же касается колонизации, то она двигалась вперед довольно медленно, но непрерывно следующим путем: на слиянии двух судоходных рек воздвигалась крепость; московские служилые люди получали приказание в ней поселиться, и им отмежевывались обширные земельные наделы – одним непосредственно вблизи крепости, большей же части – на известном от нее расстоянии. Высшим офицерам давались отдельные владения; простые же солдаты получали землю сообща с правом поделить ее между собой. То же можно сказать и о казаках, которые, благодаря обширности отданных в их распоряжение земель, предпочитали сохранять их в общем владении всего полка и пользовались ими преимущественно как пастбищами, а не как нивами. Донские казаки так же, как уральские и иртышские – в Сибири жили больше грабежом и охотой, нежели земледелием. Возможность получения необходимого для их пропитания количества хлеба из царских щедрот и была одним из соображений, склонивших казаков к присяге на подданство московскому правительству. Этим объясняется также их обыкновение оставаться вблизи крепостей, расположенных на границах Русской империи в районе обширных незанятых степей, которые были известны под именем «государева пашня». Эта земля бесплатно обрабатывалась низшим слоем народа, которому было приказано поселиться вблизи крепости, и хлеб, собиравшийся на этой территории, шел на пропитание не только гарнизона, но и столь отдаленных союзников, как казаки. Однако добывание этого хлеба стало вскоре тяжелым бременем для населения, и этим вполне объясняется, почему в конце XVI столетия жители крепостных округов начали выражать недовольство тем образом жизни, который их заставляли вести, и были готовы поддержать всякого претендента, обещавшего улучшить их положение.

Из этого весьма неполного описания внутренней организации Московского государства при первой династии можно видеть, что оно уже перестало быть простым уделом, как во времена первых князей московских, или даже собранием уделов, расположенных по всему течению реки Москвы, каким оно было при Иване Калите в середине XIV столетия. Хотя его западная граница и проходила на небольшом расстоянии – в несколько сот миль от Москвы, на востоке оно раскинулось до Енисея, Урала, Уральских гор и устьев Волги. На севере оно достигало области больших озер и Белого моря. Наиболее неопределенной была его южная граница. Цепь крепостей была воздвигнута для защиты этой плохо обозначенной границы от татарских вторжений.

В первой половине XVI столетия Тула и Тамбов являлись наиболее важными звеньями в этой цепи: но сто лет спустя эти крепости уже замещаются Белгородом, Харьковом и Воронежем.

Тем не менее московская эмиграция продолжалась и далее на юг, причем эмигрировали преимущественно крестьяне, бежавшие от крепостной тирании. Обыкновенно они встречали других эмигрантов, направлявшихся из Западной России и из Литвы, около того времени объединившейся с Польшей. Последнее событие сильно отразилось на условиях социального и религиозного быта простого народа.

Польское дворянство, особенно низший его слой – *шляхта*, пыталось ввести крепостное право во вновь приобретенных землях, а латинское духовенство употребляло в то же время все усилия, чтобы вытеснить греческую религию, заменив ее католической. Польские беглецы встречались с теми, кто шел из пределов Московского государства. И тем и другим была обща любовь к свободе и преданность православию. Поэтому они безо всякого труда объединялись, образуя военные отряды и федерации. Одна из таких федераций основалась на берегах Днепра и основала свою главную резиденцию на одном из его островов. Так возникла знаменитая *сечь* или военное поселение казаков, живших к югу от порогов (*запорожцы*). Эта сечь положила начало Малороссии.

В глазах иностранцев эти грабители были не более как разбойничьим станом, в то время как само Московское государство времен Ивана Грозного выставлялось Walter'ом Raleigh, как крайний пример деспотии или, как он говорил, тирании. Однако, несмотря на грубость своих политических учреждений, восточная московская монархия и военные казачьи республики таили в себе зародыш их будущего развития. Из их слияния образовалось современное русское государство, в котором еще существуют две противоположные друг другу тенденции, одна – к порядку, основанному на общественной иерархии, а другая – к неограниченной и равной для всех свободе. Но в конце XVI столетия природа этих двух различных социально-политических организмов была слишком несовместима, чтобы между ними возможны были какие-нибудь другие отношения, кроме открытой войны. Период междоусобицы, последовавший за прекращением старой династии, послужил к ускорению конфликта. В этом и заключается истинное значение этой огромной социально-политической конвульсии. Московское государство вышло из этого периода смуты здоровым и невредимым, сохранив вместе с тем свою независимость и в значительной мере свои старые учреждения; но новые правители империи вскоре убедились, что для обеспечения их самостоятельности от иностранных держав необходимо перестроить учреждения страны по новому образцу и именно по образцу европейского военного абсолютизма. Михаил и Алексей были предвестниками этой новой политики, в значительно большем масштабе преследовавшейся Петром Великим и продолжавшейся до конца царствования Екатерины или, вернее, до восшествия на престол Александра I.

Глава III

Московские учреждения в царствование Романовых

Царствование первых трех царей из дома Романовых, хотя и не составляет новой эры в развитии русских политических учреждений, тем не менее значительно отличается от правления монархов первой династии. Большая часть отличительных черт, отмечающих этот, как можно было бы назвать его, переходный период к реформам Петра Великого, находит свое естественное объяснение в опыте, приобретенном в течение смутного времени, которое длилось от конца старой династии до избрания новой. Мы не думаем утверждать, что русские правители всегда считались с этим опытом. Нередко бывало наоборот, и неудача некоторых предприятий Михаила и Алексея, как и недовольство, созданное их правлением в низших слоях московского населения и, в частности, среди крестьян, личная свобода которых подвергалась все большим ограничениям, не имели других причин, кроме недостатка внимания к урокам истории. Из этого видно, насколько важно изучение эпохи смутного времени для понимания внутреннего состояния России в XVII столетии. Неудивительно, что наши историки, начиная с Карамзина и кончая профессором Платоновым и отцом Пиерлингом, всегда придавали громадное значение всяким новым документальным сведениям об этой социально-политической конвульсии старой России. Невозможно дать здесь даже беглый обзор главнейших событий этой эпохи. Важно лишь отметить, что новейшие изыскания в архиве Ватикана подтвердили, не оставив места никаким сомнениям, что Лжедмитрий, с помощью поляков и при поддержке населения сделавшийся царем, ни в коем случае не был сыном Ивана Грозного, счастливо спасшимся из рук наемных убийц. Это был беглый чернец, нашедший среди самих бояр полную готовность поддержать его самозванство. Отец Пиерлинг, опираясь на новые документы, лишь подтвердил старое, поддерживавшееся еще Карамзиным, предположение, что Лжедмитрием был некий Гришка Отрепьев, бежавший в Польшу не без ведома некоторых дворян из низшего слоя, между прочим, быть может, и монаха Филарета, отца будущего царя Михаила. Филарет был в то время в плохих отношениях с Годуновым, недавно вступившим на русский престол. Подобное предположение было высказано Костомаровым и повторено в довольно туманной форме профессором Платоновым. Небезынтересно сравнить поведение Филарета в этом случае с его отношением ко второму самозванцу, названному «тушинским вором», в лагере которого он предпочел жить, не желая поддерживать царя-боярина Василия Шуйского из рода князей Шория, Рюриковой династии. При этом следует отметить, что несколько месяцев спустя тот же Филарет подписал акт, по которому польский королевич Владислав должен был стать русским государем не как царь-самодержец, а с властью, в еще большей мере, чем власть Шуйского, ограниченной Боярской Думой и Земским Собором. Во всех интригах, завершившихся падением сперва Годунова, а затем и Шуйского, заметно одно и то же стремление – устранить последних сторонников ненавистного режима, связанного с именем Ивана Грозного. Годунов был одним из его главных сторонников; его сестра стала женою царя Феодора Ивановича. Шуйский же служил при тиране и был чуть ли не последним представителем Рюриковой династии; ибо Милославский был стар и неспособен, а другой претендент очень высокого происхождения Голицын принадлежал к роду литовского царя Гедемина, а не Рюрика.

Так как бояре, разделившись на несколько партий, не могли согласиться на ком-либо из своей среды, а члены высшей аристократии, как князь Трубецкой, приняли сторону второго претендента, то решено было избрать нового царя за границей с условием, что он сохранит не только греческую церковь, но и старое право бояр наравне с царем участвовать в обсуж-

дении и разрешении государственных дел. Это право за время царствования Ивана Грозного и его ближайшего предшественника Василия почти не соблюдалось. По хорошо известному свидетельству одного современника оба эти царя предпочитали совместному обсуждению всех дел с членами высшей аристократии частное совещание с одним или двумя приближенными людьми низшего происхождения, достигшими столь высокого положения благодаря совместным трудам или по капризу самодержца, либо же с помощью интриг какого-нибудь темного монаха. Недаром среди бояр была распространена легенда, согласно которой архиепископ Вассиан дал царю Ивану в 1553 году следующий совет: «Если ты желаешь быть самодержцем, не советуйся ни с кем умнее тебя самого. Таким образом ты окажешься самым мудрым из всех и будешь вполне спокойно занимать свой трон». Подобный совет был противоположен мнению людей, пропитанных идеями более отдаленной эпохи, о преимуществах совещания по всем делам с князьями и боярами, а не с «погребенными мертвецами», как называет монахов вроде Вассиана один из памфлетистов того времени ⁷. Автор одного из таких политических памфлетов говорит, что царь во всех случаях должен справляться о мнении думных людей, снова и снова обсуждая вопрос с боярами, дабы прийти к наилучшему решению. Такова старая система, относительно которой гуманист Максим Грек, вынужденный, к несчастью для него, заняться русскими церковными и политическими делами, вел беседу с одним из советников Василия. Царь должен был уважать людей старых и жаловать их землею. Именно этот старый обычай, упраздненный государями XVI столетия, хотели восстановить бояре, договариваясь с Владиславом.

Но не одна только Боярская Дума фигурирует в документе, подлежавшем подписи польского королевича. Одновременно бояре потребовали и общего представительства для всей страны – Земского Собора. В лучший период своего царствования, ознаменованный завоеванием Астрахани и Казани и умелым внутренним управлением, Иван Грозный уже созывал соборы из различных выборных чиновников, на обязанности которых лежало взимание податей, и живших в Москве служилых людей. Но не такого совещания из одних лишь чиновников хотел Курбский, знаменитый противник Ивана Грозного; он желал учреждения в России истинного представительства, вероятно, следуя примеру Польско-Литовского королевства, где подобный институт мирно функционировал. Русскому же самодержцу эти ограничения верховной власти казались не менее смешными, чем те, которыми была связана Елизавета Английская. То, чего желал Курбский, был всеобщий народный совет, созываемый ежегодно и составленный из представителей всех городов и округов: с ними царь должен был обсуждать дела, касавшиеся всего народа в целом. Подобное учреждение, быть может, ближе знакомое польскому королю, нежели требовавшим его боярам, и было поставлено в условие королевичу Владиславу при его избрании на русский престол. Такие люди, как Филарет Романов, отец будущего царя Михаила, были столь же заинтересованы в принятии этих ограничений, как и недавние сторонники Шуйского, которые и его принудили согласиться на некоторые аналогичные условия.

Вероятно ли при таких условиях, чтобы, выбирая впоследствии царем одного из Романовых, принадлежавших к второстепенным боярским родам и своим возвышением обязанным браку Ивана Грозного с девушкой из их семьи, чтобы участники этих выборов оставили всякую мысль о конституционных гарантиях и об ограничении самодержавной власти? Ни в каком случае. И если новейшие русские историки высказывают предположения этого рода, их гипотеза находится в полном противоречии со свидетельствами того времени, исходящими из русских и иностранных источников. Обратимся прежде всего к Котошихину, очень известному эмигранту, жившему в Швеции; в своем сочинении о состоянии России в царствование Алексея, второго царя из дома Романовых, он ясно говорит, что это был первый из

⁷ См. переписку между святыми чудотворцами в *Валааме*, – политический памфлет XVI столетия.

выбранных царей, не давший никакой ограничительной записи, как это делали предыдущие государи. «Если же от Алексея, – продолжает тот же автор, – этой записи не требовали, то лишь потому, что каждый знал его тихий нрав». Что касается Михаила, Котошихин говорит: «Хотя он и объявлял себя самодержцем, он ничего не мог предпринять без совета бояр». Говоря о характере этих ограничений, Котошихин отмечает лишь данное царем обещание не быть ни нетерпеливым, ни жестоким, «никого не казнить без суда и вины и о всех делах мыслить с боярами и думными людьми сообща и без их ведома тайно и явно ничего не делать». Это свидетельство Котошихина не является единственным русским свидетельством, которым мы располагаем по вопросу об ограничениях, наложенных на Михаила при его избрании. Один летописец того времени, родом из Пскова, с негодованием рассказывает, как при Михаиле бояре держали страну в своей власти, не обращая на царя никакого внимания и не боясь его, ибо они заставили монарха целовать крест на том, что он не будет приговаривать к смерти людей высокого положения и принадлежащих к боярскому роду и ограничиться лишь заточением их в тюрьме. Другое сообщение, на которое ссылается Татищев, русский историк последнего столетия, говорит, что хотя избрание нового царя было всенародным, но на престол взшел он лишь после того, как подписал хартию вроде выданной Василием Шуйским. До сих пор мы не видели никаких упоминаний о соборе в обещаниях, дававшихся новоизбранными царями; речь шла лишь о Боярской Думе. Некоторые иностранцы идут в своих утверждениях несколько дальше. Шведский писатель Фоккеродт говорит, что среди обязательств, принятых на себя юным царем, имелось и такое, по которому без согласия собора царь не должен был вводить новые законы, назначать какие-либо налоги или затевать войну. Почти то же самое повторяет и немецкий авторитет Штрааленберг, вполне основательно замечая, что идея таких ограничений была заимствована в Польше, где уже в середине XVI столетия, при Стефане Батории, *сейм* и частный совет пользовались значительной политической властью. Штрааленберг определенно утверждает, что до своего коронования Михаил принял и подписал следующие условия: сохранять и поддерживать религию; забыть все обиды, когда-либо причиненные его отцу; не вводить никаких новых законов и не изменять старых; важные дела решать по закону с соблюдением юридических требований, не объявлять войны и не заключать мира своею личной властью; не уступать никаких земель членам собственной фамилии и не конфисковать ничего имущества в пользу короны.

Этим утверждениям тем легче можно поверить, что в описываемое время решительно некому было защищать права царя. Отец Михаила, Филарет, находился тогда в строгом плену у поляков и был так далек от мысли о возможности избрания его сына, что в частном письме к Шереметеву убеждал последнего в необходимости наложения некоторых ограничений на власть нового государя. Если Шереметев и был первым, предложившим избрать Михаила, пятнадцатилетнего мальчика, то это случилось потому, что он и его приверженцы считали вполне вероятным переход действительного управления России в их руки.

Первые годы царствования Михаила, до возвращения из плена его отца, ознаменовались частым созывом соборов и постоянными совещаниями бояр о делах страны. Это также подтверждает, что некоторые условия были поставлены боярами царю и им были приняты. В течение первой половины царствования Михаила Земскими Соборами было обсуждено и решено много важных вопросов. Отсутствие денег неоднократно заставляло царя прибегать к помощи займов и принудительным безвозвратным сборам. Был введен, между прочим, постоянный налог на имущество купцов и крестьян; новые обложения и сбор безвозвратных ссуд каждый раз получали утверждение Собора. Назначение нового патриарха в 1619 году было также его делом. Летописи говорят нам, что бояре, придворные чины и все население Московского государства обратились к Михаилу с просьбой склонить своего отца Филарета к принятию главенства в русской церкви. Два года спустя, в 1621 году, новый Собор обсуж-

дал вопрос о том, вести ли России войну с Польшей. Сословия ответили утвердительно, но недостаток денег и солдат заставил правительство отсрочить исполнение этого решения.

Созыв соборов прекратился лишь по возвращении из Польши отца нового государя и возведении его в достоинство первого представителя православной церкви. Филарету за время его пребывания в Польше, вероятно, пришлось видеть, до какой степени власть короля ограничена там сеймом. Чтобы дать возможность сыну избежать той же участи, он, должно быть, убедил его положить конец регулярному созыву Земских Соборов. Вместо одного царя, контролируемого двумя советами – Боярской Думой и представителями различных сословий, Россия получила двух монархов. В актах того времени царь и патриарх одинаково назывались «Великими Государями». Оба судили все восходящие к ним дела и приказывали поступать так или иначе согласно с их обоюдным решением. Хотя профессор Сергеевич приписывает это совместное правление прекрасным отношениям, существовавшим между отцом-патриархом и сыном-царем, но одно это не объясняет нам причин, по которым первый представитель московского православия был призван играть преимущественную роль в отправлении верховной власти даже впоследствии. Дело в том, что восстание 1612 года, закончившееся отступлением поляков из Москвы и возведением на престол человека истинно русского происхождения, было совершено столько же для защиты православия, сколько для сохранения национальной независимости. Настойчивые воззвания патриарха Гермогена из Москвы к причетнику Дионисию и монастырскому эконому Аврааму Палицыну, оба из Троицкой Лавры, требовавшие объединения всех национальных сил для защиты веры и отечества, привели к созданию государства, не менее проникнутого идеей своего провиденциального назначения – охранять чистые и всеобщие принципы христианства от искажения их папскими догматами, нежели идеей империи, совершенно свободной от какого бы то ни было иностранного вмешательства. По этой именно причине впоследствии, в царствование Алексея, патриарх Никон, вышедший из низших слоев народа, был поставлен на одну ногу с царем, по крайней мере в отношении внешних атрибутов верховной власти. Чрезвычайно поучительно с этой точки зрения недавно опубликованное и переведенное на русский язык описание путешествия в Россию Антиохийского патриарха Макария в XVI веке. Автора несколько раз приглашали на различные празднества, присутствуя на которых он видел, как царь Алексей подносил патриарху хлеб-соль и собольи меха. «Монарх казался слугою духовных вельмож», – говорится в этом описании. «Не удивительно ли слышать, – восклицает автор, – как царь, лично поднося эти подарки, обращается к нему с такими словами: “Твой сын, царь Алексей, кланяется твоему святейшеству и подносит тебе то-то и то-то!”». Правда, несколько лет спустя оба верховных владыки начали ссориться. На обратном пути патриарха Антиохийского нагнали царские послы и просили его вернуться назад как можно скорее: они объяснили удивленному архипастырю, что царь поссорился с Никоном и назвал его мужиком и незаконнорожденным, на что последний сказал: «Почему ты оскорбляешь меня? Ведь я твой святой отец?» Царь отказался признать за Никоном этот титул. Русские историки рассказывают, чем окончилась эта ссора и каких трудов стоило царю взять верх над своим упорным и опасным противником. Оба вынуждены были обратиться к суду восточных патриархов, которые окончательно высказались против мнимого бунтовщика, постановив, что патриарх, осмелившийся не покориться царю и изменить старые церковные статуты, должен быть лишен сана. И таким образом человек, писавшийся во всех государственных актах «Великим Государем Великой, Малой и Белой России» – тем же титулом, что и другой Великий Государь – царь, должен был кончить свои дни в монастырском уединении. Но это еще не было концом патриаршества. Еще в 1667 году иностранные патриархи объявили авторитет царя более высоким в делах политических, а патриарха – в церковных. И уже Петр Великий, желая сосредоточить в своих руках высшую власть в государстве и в церкви, отменил патриаршество, учредив вместо него высшую церковную

коллегию, названную Святейшим Синодом. В настоящее время это учреждение состоит из часто сменяющихся членов высшего провинциального духовенства со светским прокурором во главе; последний назначается царской властью и пользуется правами министра.

В то время как власть патриарха в светских делах должна была уступить место царской власти, Земские Соборы сохранили при Алексее то же значение, каким они пользовались в первые годы царствования его отца. Хотя и не созываемые регулярно они тем не менее давали правительству указания почти по всем вопросам выдающейся важности, каковы война и мир, увеличение налогов и присоединение новых территорий.

В 1632 году война с Польшей потребовала сбора новых налогов. По этому поводу был созван Собор, который дал свое согласие на обложение общим налогом всех сословий в государстве – как купцов, так и служилых людей. Но обязательный размер налога для последних установлен не был: каждый вносил, сколько хотел. Собранные суммы предназначались на жалование войску. В течение следующих двух лет Собор дает царю указания относительно войны и налогов и об отношениях к Польше и крымским татарам. Царь жаловался на дурной прием, оказанный ханом его послу. Высшее духовенство, ответ которого только и сохранился, настаивало на необходимости построить укрепления на южной границе Московского государства – в украинских городах, которые, как Белгород или Воронеж, в течение веков оставались пионерами христианства и культуры в южнорусских степях, периодически подвергаясь татарским грабегам.

Два года спустя, вооруженный захват Азова донскими казаками и необходимость войны с крымскими татарами для удержания этого приобретения заставили созвать новый Собор. Он высказался за войну и приказал, поэтому произвести рекрутский набор даже в деревнях, расположенных на казенных и на церковных землях.

В 1642 году вопрос об Азове снова явился непосредственной причиной созыва представителей сословий. Так как турки не желали оставить крепость в руках казаков, а казаки не могли удержать ее собственными силами, то перед правительством встал вопрос о присоединении Азова к русскому государству, хотя такой акт был связан с риском новой и почти неизбежной войны. Считая необходимым узнать настроение народа, царь призвал в Москву сто девяносто пять выбранных сословиями депутатов, не считая Думы и высшего духовенства. Почти все классы общества послали своих представителей, и каждый класс подавал свое мнение отдельно, в тетрадах, скрепленных подписями всех членов данного сословия, тогда как несогласные с общим решением посылали свое мнение в особых тетрадах.

Высшее духовенство, верное своему старому обычаю, говорило царю, что оно совершенно неспособно дать совет по такому вопросу: у него нет, утверждало оно, никаких знаний в подобном деле, составляющем занятие царя и Боярской Думы; его же – духовенства – единственная роль – призывать Божие благословение на царские предприятия. Если царь нуждается в военной помощи, оно – духовенство готово принести необходимые и посильные жертвы, чтобы платить солдатам. Большинство московского дворянства высказалось за присоединение: царю следовало удержать новоприобретенную крепость, но он должен был просто приказать казакам продолжать ее оборонять; для оказания же помощи достаточно набрать добровольцев. Некоторые советовали отправить в Азов солдат не только из украинских городов, но и из Москвы. С этой целью следовало набирать всякого рода людей, кроме крепостных и тех, кто потерял свободу за неплатеж долгов. В случае же нужды в деньгах каждое сословие должно было назначить двух или трех лиц, которых бы царь уполномочил собрать дополнительный налог со всех людей и со всякого имущества, с приказных и с царской свиты, со вдов и сирот, с гостей и купцов и вообще со всех тех, кто не служил в войске.

Некоторые дворяне, между прочим владимирские, просто обещали подчиниться царскому приказу, в то же время, отмечая бедственное состояние их городов и всего их края, состояние, хорошо, по их словам, известное царю и думным боярам. Гораздо более реши-

тельно было заявление дворян некоторых больших городов – Суздаля, Юрьева, Новгорода и Ростова. Они были того мнения, что оставление Азова вызовет небесный гнев. «Царь, – говорили они, – не может оставить в руках неверных святыне иконы Иоанна Крестителя и Николая Чудотворца». Если бы у армии не хватило припасов, их можно было бы взять в амбарах, принадлежащих украинским городам. Из Москвы можно было бы посылать подкрепления, а издержки по продовольствию армии следовало бы возложить на всю страну целиком, без всяких изъятий. Жалуясь на то, что боярам, под видом бенефиций, розданы огромные количества земель, что приказные лихоимством и вымогательством добывают громадные суммы денег, которые затем употребляют на постройку обширных зданий и дворцов, посадские люди настаивали на необходимости возложить тяжесть будущей войны на плечи именно этого сословия и заставить его вооружить солдат; сверх того, они требовали обязательного обложения имущества приказных такою же податью, как и всех других классов в государстве. Те же меры следовало принять и относительно духовенства, обязав епископов и архимандритов выставлять известное число вооруженных ратников в соответствии с числом принадлежавших им крепостных. Царю следовало издать указ, определяющий число крепостных, которыми мог владеть каждый солдат или, вернее, отношение между числом принадлежащих ему крепостных и требуемой от него службой. Эту пропорцию должно было строго соблюдать на будущее время, причем не имевшим достаточного числа крепостных следовало получить их в дар от правительства. Деньги на военные нужды, снова настаивали они, могут быть взяты из патриаршей и монастырской казны.

Члены мелкого дворянства или, что то же, военные люди городов Тулы, Коломны, Серпухова, Рязани, Калуги и др. были еще более определены в своих требованиях об установлении пропорции между военной службой и числом принадлежавших каждому военному крепостных. Кто имел более пятидесяти рабов, тот был обязан служить без жалованья и участвовать в военных издержках, доставляя в армию съестные припасы, тогда как имевшие не более этого числа освобождались от последней повинности.

Если мы обратим внимание на «записанные мнения», представленные членами третьего сословия, мы увидим, что они жалуются на бедственное состояние, в которое они впали за последнее время, отчасти потому, что вся московская торговля находилась в руках иностранцев, отчасти же благодаря притеснениям воевод, сменивших свободно избранных окружных начальников или губных старост XVI столетия. Тем не менее делегаты гостей и московских купцов настаивают на необходимости удержать Азов, в то же время замечая, что они не получают от казны земель, что им весьма трудно платить налоги и акцизные пошлины, и, вообще, убеждая царя в невозможности для них вынести повышенное обложение.

«Памятка» сотников и начальников сотен и черных городов, – название, под которым следует понимать представителей сельского населения, – содержит приблизительно те же жалобы и одинаковые пожелания. Народ истощен налогами, барщиной, военной службой и т. д.; он сильно также пострадал от пожаров; воеводы разоряют его незаконными поборами; его положение до того бедственно, что многие убегают, покидая свои дома и землю. К сожалению, заключительная часть этого чрезвычайно интересного документа до нас не дошла.

Общее впечатление, получаемое из чтения записок или петиций этого Собора таково: хотя все сословия были единодушны в своем патриотическом желании удержать новоприобретенную крепость, тем не менее они не считали себя в силах вынести расходы на новую войну с турками. И разделяя их опасения, царь не решился взять на себя ответственность и послал казакам приказ уйти из крепости.

Собор 1642 года был последним в царствование первого Романова.

Хотя как прямой наследник Михаила Алексей Михайлович вступил на престол без всяких предварительных соглашений со своим народом, тем не менее был созван Собор для

утверждения акта его коронования. Это произошло в 1645 году. Четыре года спустя Собор созван был снова для оказания правительству помощи в важном деле составления свода законов. Новейшие исследователи обнаружили тот факт, что представленные на этом Соборе петиции дали немало важного материала для преобразования русского законодательства и что их влияние можно проследить на всем Уложении Алексея. В следующем году правительство опять созывает Собор для обсуждения вопроса о подавлении мятежей в различных частях империи и особенно в Пскове. Собрание посовещивало мягкое отношение с бунтовщиками, и правительство поступило согласно этому указанию.

В 1651 и 1653 годах Собор высказался за присоединение Малороссии. Эта страна освобождена была от поляков казацким гетманом Богданом Хмельницким, который немного времени спустя предложил ее русскому царю. Можно было опасаться, что принятие этого предложения вовлечет Россию в новую войну с Польшей. Поэтому решение Собора 1651 года имело условный характер: если Польша согласится на требования царя, Россия должна была воздержаться от присоединения; в противном случае следовало, несмотря на риск новой войны, взять христиан под покровительство православного царя. Три года спустя, когда польский король, Ян Казимир, заключил формальный союз с исконными врагами России – шведами и крымскими татарами и когда в неизбежности войны не могло поэтому быть никаких сомнений, Собор смело предложил царю принять гетмана и его казаков «под свою высокую руку с их городами и землями для защиты истинной православной церкви». Делегаты говорили, что они готовы воевать с польским королем и положить свою жизнь за царскую честь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.